

Св. Иоаннъ Златоустъ и его враги ¹⁾).

II. Св. Иоаннъ Златоустъ былъ проповѣдникомъ евангельскихъ началъ въ общественныхъ отношеніяхъ, и въ этомъ его главная своеобразность. Начиная съ IV вѣка, въ восточной церкви получаетъ все большее преобладаніе аскетическій идеалъ и монашество. Все, наиболѣе религіозное, искреннее и прямолинейное, отталкиваемое всевозможными компромиссами и паденіемъ христіанскихъ нравовъ въ мірѣ, который, подчинившись христіанству по внѣшности, казалось, побѣдилъ его внутренно, стремилось въ монастыри. Это была религія отчаянія: не надѣясь сдвинуть инертную массу полужыческаго общества, исповѣдавашаго Христа лишь на словахъ, лучшіе люди бѣжали изъ міра, чтобы среди бесплодныхъ пустынь въ обществѣ единомысленныхъ создать такіа внѣшнія условія жизни, при которыхъ Евангеліе могло бы быть осуществлено. Монашество имѣетъ свои крупныя заслуги предъ церковью, которыя мы не думаемъ отрицать, но массовое увлеченіе имъ, съ другой стороны, имѣло и очень печальныя послѣдствія для христіанскаго общества, которое въ цѣломъ, конечно, никогда не можетъ уйти въ монастырь. Во-первыхъ, широкое аскетическое теченіе само собою производило отборъ, самый невыгодный для церкви, дѣйствовавшей въ мірѣ. Христіанское общество покидали элементы наиболѣе религіозные и чуткіе къ моральнымъ задачамъ, т. е. именно тѣ, которые и могли бы послужить евангельской закваской, подъ воздѣйствіемъ которой вскисло бы

¹⁾ Окончаніе. См. Ноябрь. кн. „Богосл. Вѣстн“.

все тѣсто. Изъ этого перваго естественно вытекаетъ второе неблагоприятное послѣдствіе монашескаго движенія. Люди, поставившіе своей задачей практическое осуществленіе Евангелія, каковы были монахи, естественно болѣе другихъ церковныхъ писателей способны были создать литературу, руководящую къ христіанской жизни. И они ее дѣйствительно создали. Творенія аскетовъ имѣли наиболѣе жизненное значеніе и сохраняютъ его до настоящаго времени. Сочиненія церковныхъ писателей, работавшихъ надъ выясненіемъ вѣроченія, — Аванасія Великаго, Григорія Нисскаго, Кирилла Александрійскаго, — необходимы и интересны для богослова; творенія Ефрема Сирина, Макарія Египетскаго, Исаака Сирина читаетъ народъ и всѣ тѣ, для кого главное не богословскія разсужденія, а жизнь по Евангелію. Но аскетическая литература, по существу индивидуалистическая, сверхъ того обращается къ опредѣленному кругу лицъ. Она имѣетъ въ виду монаха, аскета, жизнь въ уединеніи или монастырѣ. Естественно, поэтому, она не могла удовлетворять всѣмъ запросамъ христіанъ, жизнь которыхъ протекала въ совершенно иныхъ условіяхъ: для мірянъ она была съ одной стороны, непримѣнимой, съ другой — недостаточной. Семьянинъ, государственный чиновникъ, купецъ, ремесленникъ, воинъ и рабъ находили въ ней правила строгаго аскеза, для нихъ излишнія, и не находили указаній, какъ осуществить ученіе Христа въ общественной жизни. Во всякомъ случаѣ монашескія правила, чтобы стать руководствомъ жизни для мірянина, требуютъ спеціальнаго приспособленія, истолкованія и разъясненія. Но большинство мірянъ, поглощенныхъ ежедневными заботами и неопытныхъ въ духовной жизни, не имѣли ни времени, ни силъ, чтобы выполнить эту работу самостоятельно, и потому во многомъ вовсе оставались безъ руководства. Наконецъ, преобладаніе монашескихъ тенденцій ослабляло нравственную энергію членовъ церкви, живущихъ въ обычныхъ условіяхъ семьи и государства. Имъ такъ часто и такъ настойчиво говорили о невозможности спастись въ мірѣ, что, наконецъ, они въ этомъ увѣрились и махнули рукой на свое спасеніе. На всѣ призывы къ жизни по Евангелію былъ слышенъ одинъ отвѣтъ: это написано для монаховъ; осуществленіе этого въ мірѣ невозможно. „То именно и извратило всю вселенную, жалуется Златоустъ, что мы ду-

маемъ, будто только монашествующему нужна большая строгость жизни, а прочимъ можно жить безпечно“. 1)

Св. Іоаннъ Златоустъ, человѣкъ совершенно исключительныхъ дарованій и рѣдкой моральной чистоты, изъ монастыря возвратилъ себя міру, чтобы научить міръ, какъ осуществить евангельскій идеалъ въ обычныхъ условіяхъ жизни, и чтобы убѣдить всѣхъ, что мірянинъ отличается отъ монаха однимъ лишь супружествомъ. Въ этомъ состоитъ главная особенность Златоуста и его безсмертная заслуга предъ церковью.

Когда мы говоримъ о томъ, что св. Іоаннъ Златоустъ былъ проповѣдникомъ монашескаго идеала въ средѣ мірянъ, то легко можемъ подать поводъ къ недоразумѣнію. Поэтому необходимо сдѣлать теперь же нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній. Въ монашествѣ необходимо различать элементы: мистическій, аскетическій и нравственный. Мистическій элементъ—созерцаніе Бога и единеніе съ Нимъ въ этомъ созерцаніи—устраняется нами, какъ не имѣющій отношенія къ поставленной цѣли: мистика въ строгомъ смыслѣ невозможна среди сутолоки мірской жизни, и какъ сказано было ранѣе, св. Іоаннъ Златоустъ не былъ ея проповѣдникомъ. Аскетическій элементъ составляютъ предписанія, касающіяся воздержанія въ пищѣ, питьѣ, снѣ. Тѣлесныя лишенія, тѣсно связанныя съ безбрачіемъ и мистикой, въ монашествѣ имѣютъ значеніе не цѣли, а средства. Нравственный элементъ въ монашествѣ составляетъ то, ради чего въ патристической литературѣ оно называлось евангельской жизнью. Во-первыхъ, работая надъ внутреннимъ очищеніемъ, оно стремилось осуществить то высокое требованіе Евангелія, по которому въ нравственности цѣнно не столько дѣло, сколько мотивъ, не внѣшняя праведность, а сердце, освобожденное отъ страстей и чувствъ, изъ которыхъ самъ собою вытекаетъ грѣхъ, какъ дѣяніе 2). Во-вторыхъ, только монашество сдѣлало попытку провести въ жизнь нагорную проповѣдь, идеалъ самоотверженной любви и непротивленія насиліямъ и обидамъ. Вотъ одинъ только примѣръ собственно для иллюстраціи послѣдняго положенія. Авва Виссаріонъ постоянно

1) Златоустъ, I т., стр. 106.

2) См. объ этомъ подробнѣе нашу брошюру „Мистическое оправданіе аскетизма въ твореніяхъ Макарія Египетскаго“ Сергіевъ посадъ 1905 г., стр. 90—97.

носилъ съ собою Евангеліе. Въ одномъ селеніи онъ увидѣлъ мертваго нишаго, совершенно обнаженнаго, и покрылъ его своимъ плащемъ. Потомъ онъ встрѣтилъ живого нишаго тоже безъ всякой одежды и, отдавъ ему свою рубашку, самъ сидѣлъ нагой, закрываясь руками. Когда Виссаріона спросили, кто его раздѣлъ, онъ, протягивая Евангеліе, отвѣтилъ: вотъ оно раздѣло. Наконецъ, чтобы помочь бѣдному, онъ продалъ самое Евангеліе, съ которымъ не разлучался—,то самое слово, какъ онъ потомъ рассказывалъ, которое всегда говорило мнѣ: продай имѣніе свое и дай нищимъ“¹⁾.

По выходѣ изъ монастыря Златоустъ не былъ строгимъ аскетомъ и въ своей личной жизни, какъ это видно изъ сказанаго ранѣе. Онъ не позволялъ себѣ никакихъ излишествъ, но не лишалъ себя мяса, иногда пилъ вино и часто принималъ ванны. Суровыхъ аскетическихъ подвиговъ онъ не требовалъ и отъ своей паствы. Онъ настаивалъ на раннихъ бракахъ. Дозволялъ умѣренное употребленіе вина²⁾. Возставая противъ увеселеній, празднествъ и пирушекъ, онъ боролся преимущественно съ непристойными обычаями—наслѣдіемъ языческаго прошлаго,—но ничего не имѣлъ противъ невинныхъ радостей жизни. „Я не запрещаю вамъ, говорить онъ, сходиться и совмѣстно отобѣдать, а запрещаю позорить себя, желаю, чтобы ваше удовольствіе было дѣйствительнымъ удовольствіемъ, а не обращалось въ наказаніе, муку, въ пьянство и буйное веселіе“³⁾. О свадебныхъ пирахъ читаемъ: „инымъ способомъ можно достигать того, чтобы брачное торжество было веселѣе—напримѣръ: приготовить богатый столъ и роскошное платье; я не возбраняю этого, чтобы не показаться слишкомъ строгимъ. Правда, Ревеккѣ было довольно одного покрывала; но я не возбраняю... По моему хорошо, что приходятъ дѣвицы почтить свою сверстницу,—приходятъ также и женщины почтить ту, которая вступаетъ въ ихъ общество. Это хорошій обычай“...⁴⁾ Златоустъ не отрицалъ увеселеній, освѣжающихъ силы человѣка, но хотѣлъ, чтобы „все было

1) Палладій, еп. Еленопольскій. Лавсанскъ. Рус. пер. СПб. 1850 г. стр. 261—263 ср. повѣствованіе объ Евлогіи и увѣчномъ стр. 83—88.

2) Златоустъ, т. II, стр. 11—13.

3) Ibid., IX, стр. 788—789.

4) Ibid., XI, стр. 463.

проникнуто достоинствомъ, благопристойностью и хорошимъ вкусомъ“ ¹⁾).

Говоря о томъ, что между міряниномъ и монахомъ различіа только въ бракѣ, Златоустъ разумѣеть подъ ихъ общими обязанностями главнымъ образомъ евангельскій идеаль любви и внутренней чистоты, т. е. именно то, что въ монашествѣ называлось евангельской жизнію. Это -- заповѣди блаженства, самоотверженной любви къ ближнему, незлобія, милосердія, запрещеніе клятвы, гнѣва, роскоши и излишества ²⁾). Соотвѣтственно этому, въ бесѣдахъ Златоуста монашескій индивидуализмъ отступаетъ на задній планъ, и выдвигается идеаль социальный. Вселенскій учитель стремится построить на христіанскихъ началахъ жизнь общества. Но общество состоитъ изъ классовъ, находящихся въ извѣстномъ антагонизмѣ между собою. Сюда относятся власть и подвластные, богатые и бѣдные, господа и рабы. Св. Іоаннъ Златоустъ стоялъ между этими классами, какъ примиряющее начало, какъ одухотворяющая ихъ любовь и совѣсть.

Отношеніе святителя къ социальнымъ противоположностямъ въ общемъ опредѣляется его стоическимъ ³⁾ понятіемъ о благѣ и безразличномъ. Сущность этого общеизвѣстнаго ученія, очень рано перешедшаго изъ философской этики въ христіанскую, сводится къ слѣдующимъ положеніямъ. „Изъ всѣхъ предметовъ одни—добро, другіе—зло, а третьи — нѣчто среднее“. Истинное благо заключается въ добродѣтели. Отсюда цѣломуріе, милостыня, мужество, кротость суть благо въ подлинномъ и истинномъ значеніи этого слова: они являются благомъ всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ и никогда не могутъ быть зломъ. Наоборотъ, грѣхъ и порокъ—богохульство, развратъ, жестокость, чревоугодіе—зло въ собственномъ смыслѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ не становятся благомъ. „Къ предметамъ среднимъ принадлежатъ бѣдность и богатство, здоровье и болѣзнь, жизнь и смерть, слава и честь, рабство и свобода“, власть и зависимое положеніе. Все это само по себѣ не можетъ быть названо ни добродѣтельно, ни порокомъ, но въ зависимости отъ от-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Златоустъ, т. I, стр. 104—107; XII, стр. 75.

³⁾ См. Ed. Zeller. Die Philosophie der Griechen. Th. III, Abth. 1 S. 113—221 3 Aufl. Leipzig. 1880.

ношенія къ нимъ воли могутъ становиться тѣмъ или другимъ. Это—просто средства, одинаково пригодныя для достиженія какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ цѣлей. Если жизнь посвящена добродѣтели, то становится благомъ; если она расходуется на порочныя удовольствія, то она—зло ¹⁾).

При такомъ взглядѣ на социальныя неравенства задача проповѣдника должна была состоять не въ подготовленіи реформъ, которыя измѣнили бы самый строй общества, а въ томъ, чтобы поставить каждую индивидуальную волю въ правильное отношеніе къ внѣшнимъ благамъ и физическому злу, научить ее превращать безразличное въ добродѣтель, въ истинное благо. Онъ могъ обращаться только къ совѣсти отдѣльныхъ лицъ и во имя человѣколюбія призывать ихъ къ правильному употребленію власти, богатства, силы. Имѣя въ виду эту общую точку зрѣнія святителя, разсмотримъ въ частности его отношенія къ главнѣйшимъ видамъ социальнаго неравенства.

А. Для выясненія отношенія св. Іоанна Златоуста къ гражданской власти мы воспользуемся не только его ученіемъ, но и біографическими данными, позволяющими видѣть, какимъ образомъ свои теоретическія воззрѣнія на этотъ предметъ проповѣдникъ примѣнялъ въ жизни.

Власть, по ученію Златоуста, вмѣстѣ съ другими видами рабства, обязана своимъ происхожденіемъ грѣху. Изъ всѣхъ видовъ подчиненія это—самый ужасный, такъ какъ „вездѣ можно видѣть оттачиваемые мечи, палачей, казни, пытки, мученія, власть надъ жизнью и смертію“. Грѣхъ сдѣлалъ нужной такую суровую власть, и Богъ установилъ ее для нашей пользы ²⁾. Вслѣдствіе грѣха у людей явилась склонность обижать другъ друга, и только сила можетъ теперь сдерживать злыхъ. Власть въ обществѣ—то же, что связи въ домѣ. Если вынуть связи, стѣны распадутся, такъ „если отнять у вселенной начальниковъ и страхъ, внушаемый ими, то дома, и города, и народы съ великою наглостью нападутъ другъ на друга, потому что тогда некому будетъ ихъ удерживать и останавливать, и страхомъ наказанія побуждать быть спокойными“ ³⁾. Но фактически власть не всегда удо-

1) Ibid. T. VI, стр. 435—442.

2) Ibid. T. IV, стр. 746—747

3) Ibid. T. II, стр. 84.

влетворяетъ своему назначенію. Для полученія власти обыкновенно пускаются въ ходъ „ходатайства друзей, происки, льстивыя рѣчи и многіе другіе болѣе постыдные способы“ ¹⁾. Въ своихъ дѣйствіяхъ власть не считается съ нуждами народа и притомъ всею своею тяжестью ложится на бѣдныхъ и обездоленныхъ. „Царь и въ путешествіяхъ бываетъ обременителенъ для подданныхъ, и живя въ городѣ, и наслаждаясь миромъ, и участвуя въ войнахъ, и требуя податей, и собирая войска, и приводя плѣнниковъ, и побѣждая, и подвергаясь пораженію; потому что, подвергаясь пораженію, онъ слагаетъ на подданныхъ собственныя бѣдствія, а побѣждая становится невыносимымъ, украшаясь трофеями, и тщеславясь, и предоставляя воинамъ свободу грабить, расхищать, обижать путниковъ, держать города въ осадѣ, разорять дома бѣдныхъ, отъ принимающихъ ихъ къ себѣ требовать каждый день того, чего не позволяетъ никакой законъ, подѣ предложомъ какого-то древняго, беззаконнаго и несправедливаго обычая. При томъ богатому царь нисколько не вредитъ такими тягостями, а причиняетъ зло бѣднымъ, какъ бы поистинѣ стѣсняясь богатыхъ... Царь, даже повелѣвая облегчить подати, приноситъ пользу больше богатымъ, нежели бѣднымъ, а поступая напротивъ, тѣмъ болѣе вредитъ имѣющимъ мало; потому что богатому немного можетъ повредить тяжесть податей, а дома бѣдныхъ она какъ потокъ разрушаетъ, наполняя селенія воплями, и ни старости не жалѣютъ сборщики податей, ни вдовства женъ, ни сиротства дѣтей, но безчинствуютъ во все время, какъ бы общіе враги страны, требуя отъ земледѣльцевъ того, чего и земля не производила“ ²⁾. Въ этихъ словахъ святителя очень полно и вѣрно изображена политическая система, погубившая Византію. Но и въ случаѣ подобныхъ злоупотребленій властію Златоустъ призываетъ вѣрующихъ къ терпѣнію. Богъ попускаетъ жестокому начальнику обижать подвластныхъ, и волѣ Божіей всякій долженъ подчиняться. „Видя царствующимъ суроваго князя, челоуѣкоубійцу, жестокаго, не молись, чтобы онъ былъ изъятъ изъ среды живыхъ, но примиришь съ Богомъ, который можетъ укротить его жестокость. Если же

1) Ibid. Т. I, стр. 539.

2) Ibid. Т. I, стр. 125.

не примиришься съ Богомъ, Онъ можетъ возбудить другихъ, болѣе жестокихъ князей“ 1).

Но на землѣ есть сила, которая сглаживаетъ и умѣряетъ зло и страданія, причиняемая властію какъ по самой ея природѣ, такъ и вслѣдствіе злоупотребленій. Сила эта—церковь или священникъ. Въ отношеніи къ земной власти церковь имѣетъ двоякую задачу: во-первыхъ, утѣшать тѣхъ, кого—заслуженно или не заслуженно—подвергаетъ наказаніямъ и карамъ государственная власть, а во-вторыхъ, обличать, обращаться къ совѣсти носителей власти, когда они злоупотребляютъ предоставленнымъ имъ положеніемъ.

„Если мы васъ не утѣшимъ, обращается Златоустъ къ тѣмъ, кому угрожали жестокія казни, то отъ кого другого получите утѣшеніе? Судіи устрашаютъ, такъ пусть утѣшаютъ священники. Начальники угрожаютъ? Такъ пусть ободряетъ церковь. И съ малыми дѣтьми бываетъ такъ: учителя устрашаютъ и наказываютъ дѣтей, а когда они заплачутъ, отсылаютъ ихъ къ матерямъ; а матери, взявъ ихъ къ себѣ на руки, держатъ и обнимаютъ крѣпко, и ободряютъ прискорбную душу ихъ, внушая имъ своими словами, что бояться учителей для нихъ полезно. Такъ, когда и васъ начальники устрашили и сдѣлали печальными, церковь, общая мать всѣхъ насъ, отверзши объятія и принявъ васъ распростертыми руками, каждодневно утѣшаетъ, говоря, что полезенъ и страхъ отъ начальниковъ, полезно и предлагаемое здѣсь утѣшеніе. Страхъ со стороны начальниковъ не позволяетъ расслабывать отъ безпечности, а утѣшеніе церкви не позволяетъ падать отъ унынія, и посредствомъ того и другого Богъ устроляетъ наше спасеніе. Онъ и начальниковъ вооружилъ, чтобы устрашали дерзкихъ, Онъ и священниковъ рукоположилъ, чтобы утѣшали скорбящихъ“ 2).

Но церкви принадлежитъ не одна только пассивная задача утѣшенія присуждаемыхъ къ наказанію, но и нравственное руководство самою властію. Гражданская власть и ея носитель царь ниже власти духовной и ея представителя священника. Царю ввѣрены тѣла и дѣла земныя, священнику души и небесная участь человѣка. „Послѣдняя власть

1) Ibid. Т. VI, стр. 144.

2) Ibid. Т. II, стр. 84.

больше, потому царь и преклоняетъ голову подъ руки священника, и всегда въ ветхомъ завѣтѣ священники помазывали царей“¹⁾. Въ подобныхъ словахъ выражалась въ послѣдствіи папистическая теорія объ отношеніи гражданской власти къ духовной, но при этомъ словесномъ сходствѣ смыслъ ученія Златоуста далекъ отъ средневѣковыхъ вождельній папства. Различіе состоитъ въ томъ, что папство присвоивало себѣ право низлагать царей насильственно, а Златоустъ ограничиваетъ задачу священника лишь нравственнымъ воздѣйствіемъ на царя. Если гражданская власть злоупотребляетъ силою, священникъ долженъ обличить ее, долженъ обратиться къ ея совѣсти. Если власть останется глухой къ этимъ внушеніямъ, то священнику ничего не остается какъ только ввѣрить дальнѣйшее суду Божию. „Дѣло священника, говоритъ Златоустъ, только обличать и показывать дерзновеніе, а не употреблять оружіе, не братья за щиты, не потрясать копьемъ, не натягивать лукъ, не бросать стрѣлы, но только обличать и показывать дерзновеніе“²⁾.

Посмотримъ теперь, какое примѣненіе нашли для себя эти принципы въ дѣятельности св. Іоанна Златоуста.

Первымъ поводомъ выступить отъ лица церкви утѣшителемъ осужденныхъ и тѣхъ, кому угрожало осужденіе, для него послужило низверженіе царскихъ статуй въ Антиохіи. По поводу какого-то вновь объявленнаго тяжелаго налога въ Антиохіи произошелъ народный бунтъ, во время котораго были сброшены съ своихъ пьедесталовъ царскія статуи. Городъ оказался виновнымъ въ оскорбленіи величества—преступленіи, которое каралось тогдашнею властію съ безграничною жестокостію. Можно было ожидать, что имущество жителей будетъ конфисковано, дома сожжены, городъ разрушенъ и самое мѣсто, на которомъ онъ расположенъ, распахано³⁾. Надъ несчастнымъ городомъ нависли зловѣщія тучи. Жители, побросавъ имущество, бѣжали въ пустыни и укрылись въ пещерахъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ свою жизнь. Оставшіеся въ городѣ заперлись въ своихъ домахъ, потому что полиція хватала на улицахъ всѣхъ безъ разбора

1) Ibid. T. VI, стр. 411—412.

2) Ibid. T. VI, стр. 413.

3) Ibid. II, 189.

и тащила въ тюрьму ¹⁾. Но въ этомъ несчастіи на сторону удрученныхъ страхомъ и тяжкими ожиданіями стала церковь. Событіе произошло два года спустя послѣ посвященія Златоуста въ пресвитеры. Поэтому онъ не могъ еще дѣйствовать самостоятельно и выступаетъ предъ нами какъ членъ коллегіи, какъ представитель духовенства, одушевленно взявшаго подъ свою защиту городъ и его жителей, но тотъ энтузіазмъ, съ которымъ онъ рассказываетъ о подвигахъ представителей церкви, то глубокое сочувствіе къ народному горю, которое сквозитъ въ его бесѣдахъ о статуяхъ, характеризуютъ его личность.

Какъ только возставшія толпы были разсѣяны солдатами, градоначальникъ тотчасъ же отправилъ гонцовъ въ столицу съ докладомъ о случившемся. Но церковь немедленно приняла свои мѣры для спасенія города. Еп. Флавіанъ, не смотря на свои престарѣлые годы, дряхлость, весеннюю пору и болѣзнь сестры, лежавшей при послѣднемъ издыханіи, поспѣшилъ въ Константинополь, чтобы молить императора о пощадѣ. Клиръ, оставшійся въ Антиохіи, и въ частности св. Іоаннъ Златоустъ, съ своей стороны, сдѣлали все, чтобы ободрить упавшихъ духомъ гражданъ. Между прочимъ съ этою именно цѣлью Златоустъ произнесъ 21 бесѣду О статуяхъ. Во второй бесѣдѣ проповѣдникъ упрекаетъ гражданъ за произведенные безпорядки, которымъ онъ, конечно, не могъ сочувствовать. Съ другой стороны онъ не говоритъ имъ о жестокой несправедливости массовыхъ репрессій, предпринятыхъ властію, и превозноситъ милосердіе Θεодосія. Но какъ онъ относился къ этому внутренно, объ этомъ мы можемъ судить по одному замѣчанію проповѣдника, случайно брошенному много лѣтъ спустя послѣ событія. Въ бесѣдахъ на посл. къ Колосошнямъ онъ говоритъ: „нѣкогда нашъ городъ оскорбилъ императора, и императоръ приказалъ уничтожить его весь до основанія и мужей, и дѣтей, и жилища. Такъ цари гнѣваются! Они пользуются властію, какъ хотятъ! Таково-то зло — власть“ ²⁾. Безъ сомнѣнія это чувство руководило его дѣятельностью и во время самаго событія. Онъ пользуется всякимъ поводомъ, чтобы вселить бодрость въ согражданъ. Читая эти сртаницы, чув-

¹⁾ Ibid. II, 27, 28.

²⁾ Ibid. T. XI, стр. 415.

ствуешь, что проповѣдникъ душою своею стоитъ въ рядахъ паствы и обращенъ противъ угрожающей силы государственной власти. Еп. Флавіанъ отправился въ столицу. Проповѣдникъ пользуется этимъ, чтобы вселить слушателямъ надежду на спасеніе. Епископъ самымъ своимъ видомъ смягчить гнѣвъ царя. Онъ будетъ взывать къ милосердію во имя дней предстоящей пасхи. Онъ призоветъ царя подражать милосердію Господа, онъ напомнитъ ему о всеобщемъ судѣ, о жестокомъ заимодавцѣ (Мѣ. XVIII, 32), о молитвѣ Господней, о томъ, что городъ уже достаточно наказанъ ¹⁾. Съ весьма понятною жадностію жители Антиохіи искали всякаго, вновь прибывающаго изъ столицы, чтобы разспросить о движеніи своего дѣла. Это породило массу слуховъ, то ободряющихъ, то вызывающихъ панику. И все это находило отзвукъ въ бесѣдахъ Златоуста. Въ VI бесѣдѣ, чтобы разсѣять всеобщую скорбь, онъ распространяется о счастливыхъ предзнаменованіяхъ, внушающихъ надежду. Если бы Богъ дѣйствительно хотѣлъ наказать городъ, то не предалъ бы его страху на столько дней. „Когда Онъ не хочетъ наказать, тогда устрашаетъ, потому что, если намѣренъ уже наказать, то не къ чему страхъ, не къ чему угроза“. Гонцы, отправленные въ столицу въ самый день безпорядковъ, потерпѣли на пути множество препятствій и вынуждены были, оставивъ верховыхъ лошадей, пересѣсть въ повозки. Это позволяетъ думать, что епископъ обгонитъ ихъ на пути, что онъ первый доложитъ императору о случившемся и представитъ дѣло въ благопріятномъ для города свѣтѣ. Наконецъ, императоръ издалъ по поводу приближающейся пасхи указъ, которымъ освободилъ почти всѣхъ заключенныхъ въ темницѣ. Въ этомъ указѣ царь сказалъ знаменательныя слова о тѣхъ, которые были уже казнены за разныя преступленія: „о еслибы могъ я воскресить и мертвыхъ!“ Епископъ, ходатайствуя объ амнистіи, сошлетъ на этотъ указъ, и императоръ долженъ будетъ уступить его настояніямъ. Епископъ твердъ, а царь челолюбивъ ²⁾.

Узнавши объ оскорбленіи статуй, быть можетъ, отъ гонцовъ, все же опередившихъ епископа, царь послалъ въ Антиохію

¹⁾ Ibid. Т. II, стр. 42—44.

²⁾ Ibid. Т. II, стр. 84—85.

слѣдственную комиссію, которая, выяснивъ виновность разныхъ лицъ, должна была произвести надъ ними судъ. Съ чувствомъ живѣйшаго участія рассказываетъ Златоустъ о тревогахъ и страданіяхъ родственниковъ обвиняемыхъ, такъ какъ слѣдствіе, сопровождаемое пытками, должно было породить множество оговоровъ ¹⁾. Наконецъ, виновные были открыты и заключены въ оковы. Ихъ ожидала казнь. Но на помощь имъ явились монахи изъ окружающихъ монастырей. „Они просиживали цѣлые дни предъ дверями судилища, готовые отнять у палачей тѣхъ, кого поведутъ на мѣсто казни“ ²⁾. Подвижники просили судей не приводить въ исполненіе приговора, пока они сами не сходятъ въ столицу и не выпросятъ у царя прощенія для обвиненныхъ. „Государь нашей земли, говорили они, боголюбивъ, преданъ вѣрѣ, живетъ въ благочестіи, поэтому мы нецремѣнно умилюстивимъ его; не допустимъ и не позволимъ вамъ обогреть мечъ кровью или отсѣчь кому нибудь голову. Если же вы не остановитесь, то и мы нецремѣнно умремъ съ ними“; а одинъ изъ нихъ прибавилъ: „низверженныя статуи опять воздвигнуты и приняли свой видъ, и дѣло поправлено весьма скоро, а вы, если умертвите образъ Божій, какъ можете поправить сдѣланное, какъ воскресить погибшихъ и возвратить души въ тѣла?“ Такъ же велъ себя и клиръ. Эти настоянія склонили судей даже нарушить данныя имъ полномочія: они отказались сами произнести окончательный приговоръ и, взявъ съ собою письменное ходатайство монаховъ, представили все дѣло на усмотрѣніе императора. Усилія духовенства увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Отвѣтомъ на ходатайство епископа была полная амнистія. Въ послѣдней бесѣдѣ о статуяхъ Златоустъ съ восторгомъ объявляетъ объ этомъ жителямъ. Такъ среди варварства, унижающаго человѣческое достоинство, церковь была свѣтлымъ лучемъ, провозвѣстницей милости и правды!..

Еще болѣе характеризуетъ личность св. Іоанна Златоуста его поведеніе въ дѣлѣ Евтропія. Власть въ то время номинально находилась въ рукахъ императора Аркадія. Это былъ не злой и набожный человѣкъ, но ограниченный, слабоха-

1) Ibid. Т. II, стр. 178—151 ср. стр. 190—191.

2) Ibid. Т. II, стр. 191.

рактерный и въ то же время самолюбивый, онъ былъ однимъ изъ самыхъ вредныхъ правителей. Его первый министръ, Евтропій, рожденный въ рабствѣ, только въ старости получилъ свободу. Проникнувъ во дворецъ въ качествѣ прислуги, съ теченіемъ времени онъ овладѣлъ довѣріемъ слабого и неспособнаго императора, устроилъ его бракъ съ Евдоксіей и сдѣлался неограниченнымъ правителемъ государства. Царя онъ окружилъ безумной роскошью, но изолировалъ отъ всего міра, чтобы тѣмъ безотвѣтственнѣй распоряжаться въ государствѣ. Съ тупою жестокостью онъ преслѣдовалъ своихъ мнимыхъ противниковъ и особенно лицъ, знавшихъ его во дни рабства и униженія. Въ его прихожей открыто висѣла такса, по которой каждый могъ купить для себя какую угодно государственную должность. Въ провинціи имъ были разосланы агенты, которые высматривали большія состоянія и изыскивали поводы, достаточные для привлеченія къ судебной отвѣтственности ихъ владѣльцевъ, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ можно было конфисковать богатства въ пользу временщика. Такъ какъ жертвы Евтропія часто искали спасенія у алтарей, то евнухъ добился отъ императора указа, которымъ право убѣжища было отнято у церкви. Честолюбіе вольноотпущенника не знало предѣловъ. Въ 399 году онъ былъ возведенъ въ достоинство консула и патриція, и всѣ аристократическія фамиліи приняли это, какъ оскорбленіе, нанесенное ихъ достоинству. Но этотъ именно моментъ, когда могущество царскаго любимца достигло своего зенита, сталъ моментомъ его паденія. Съ одной стороны возставшіе готы потребовали, какъ условіе мира, его головы, съ другой стороны властолюбивая императрица, оскорбленная евнухомъ и тяготившаяся его опекой, возбудила противъ него императора. Евтропій былъ лишенъ всего. Спасаясь отъ солдатъ, пришедшихъ арестовать его, блѣдный какъ смерть, дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ прибѣжалъ въ каедральную церковь и ухватился за одну изъ мраморныхъ колоннъ, окружавшихъ алтарь. Если кто, такъ это именно Евтропій достоинъ былъ казни за свои злодѣянія. Но этотъ трепещущій старикъ, утратившій возможность продолжать свою безчестную и грѣховную жизнь, былъ только жалокъ, и Златоустъ принялъ горячее участіе въ его судьбѣ.

Когда Евтропій былъ у власти, и когда льстецы окружа-

ли его со всѣхъ сторонъ, одинъ только Златоустъ не боялся возвысить свой голосъ противъ его злоупотребленій. Онъ защищалъ поправныя права церкви и обличалъ временщика въ корыстолюбіи и въ томъ, что онъ тратилъ огромныя деньги на зрѣлища, чтобы снискать популярность среди народа. Это возбуждало гнѣвъ и негодованіе всесильнаго царедворца. За то, когда онъ палъ, и когда противъ него возстало войско и народъ, когда притворные друзья покинули его, одинъ Златоустъ взялъ его подъ свое покровительство и защитилъ своимъ тѣломъ съ опасностью для собственной жизни. „На этихъ дняхъ церковь была осаждена, рассказываетъ онъ, приступило войско и метало огонь изъ глазъ, но маслины не засушило... Здѣсь искали убѣжавшаго, но мы предстояли, не страшась ихъ ярости... Вы присутствовали въ тотъ день и видѣли, сколько поднималось оружія, ярость войска была сильнѣе огня, и мы спѣшили въ царскій дворецъ. И что-же? По благодати Божіей, ничто не смутило насъ“. ¹⁾ Когда солдаты и разъяренный народъ приступили къ церкви, требуя выдачи бѣглеца, святитель воспротивился этому и приказалъ отвести себя во дворецъ. Тамъ онъ произнесъ предъ царемъ пламенную рѣчь и достигъ отмѣны недавно изданнаго закона противъ права убѣжища. Мало того, подъ впечатлѣніемъ происшедшаго самъ императоръ старался укротить ярость народа и войска и во имя алтаря просилъ у нихъ пощады для поверженнаго.

Народъ порицалъ Златоуста за то, что тотъ далъ убѣжище въ святилищѣ врагу церкви, корыстолюбцу и грабителю. Онъ не могъ возвыситься до благородства своего пастыря, который въ этой именно пощадѣ врага видѣлъ величайшее торжество церкви. Для нея, говоритъ онъ, „это—самый славный трофей; это—ея блестящая побѣда; это посрамленіе эллиновъ, это пристыженіе іудеевъ. Въ этомъ съ новымъ блескомъ проявилось величіе церкви: взявъ въ плѣнъ врага, она не только шадить его, но когда всѣ оставляютъ его одинокимъ, она одна, какъ нѣжно любящая мать, скрыла его подъ своимъ покровомъ и стала противъ царскаго гнѣва, противъ ярости народа и противъ невыразимой ненависти“²⁾.

¹⁾ Ibid. Т. III, стр. 409—410

²⁾ Ibid. Т. III, стр. 406.

Чтобы вѣрнѣе дѣйствовать на слушателей, Златоустъ любилъ пользоваться поводами, поражающими воображеніе народа. Паденіе Евтропія было живою иллюстраціей къ всегдашней проповѣди святителя о тщетѣ и непрочности земныхъ благъ, ради которыхъ совершается такъ много преступленій. На другой день послѣ того, какъ Евтропій укрылся въ церкви, при громадномъ стеченіи народа, взойдя на амвонъ, епископъ велѣлъ открыть алтарную завѣсу и, указывая народу на жалкаго старца, лежащаго у алтаря, началъ свою бесѣду словами: „всегда, но особенно теперь благовременно сказать: суета суетъ, всяческая суета. Гдѣ теперь пышная обстановка консульства?“ и т. д. Его упрекали въ послѣдствіи, что онъ сдѣлалъ всенародное зрѣлище изъ несчастія человѣка. Быть можетъ было бы тоньше, гуманнѣе не обнаруживать предъ толпой страданій и страха, которыми былъ объятъ вчерашній повелитель имперіи, но не слѣдуетъ забывать, что Златоустъ имѣлъ въ виду не только показать паствѣ назидательный примѣръ, но и расположить народъ къ состраданію. И онъ достигъ этого. У многихъ его рѣчь вызвала слезы. Пользуясь этимъ настроеніемъ, проповѣдникъ убѣждалъ народъ просить царя, чтобы онъ „во имя Церкви, во имя алтаря даровалъ священной трапезѣ одного человѣка“,—просить о помилованіи Евтропія. Конечно, святитель спасъ бы жизнь поверженному временщику, если бы послѣдній не позволилъ выманить себя изъ церкви. Когда же онъ оказался внѣ ея покрова, то былъ схваченъ и сначала отправленъ въ изгнаніе на островъ Кипръ, а потомъ судимъ и обезглавленъ въ Халкидонѣ.

Позднѣйшіе памятники (житіе Порфирія газскаго, житіе Епифанія кипрскаго, составленное Полибіемъ, и житіе св. Іоанна Златоуста, написанное Георгіемъ Александрійскимъ) передаютъ, что причиною недоразумѣній между императрицей и святителемъ послужилъ слѣдующій фактъ. Императрица хотѣла отнять виноградникъ у вдовы Теогноста, умершаго въ изгнаніи. Этотъ виноградникъ былъ послѣднимъ достояніемъ вдовы, оставшимся въ ея распоряженіи отъ когда то большаго состоянія. Узнавъ объ этомъ, Златоустъ, какъ древній пророкъ, возсталъ противъ этого низменнаго хищничества и, убѣждая императрицу отказаться отъ своего намѣренія, напомнилъ ей о виноградникѣ Навуея и объ

Іезавели. Въ болѣе достовѣрныхъ памятникахъ нѣтъ упоминанія объ этомъ фактѣ, но нѣкоторыя данныя заставляютъ изслѣдователей предполагать, что въ основѣ этого повѣствованія лежитъ дѣйствительное происшествіе ¹⁾.

Даже послѣ перваго изгнанія св. Іоаннъ Златоустъ не боялся выступить противъ императрицы, когда ея распоряженія оказались въ противорѣчій съ требованіями религіи. По настоянію Евдоксіи въ честь ея была поставлена серебряная статуя на порфировой колоннѣ близъ церкви Софіи. Постановка статуи сопровождалась шумными народными увеселеніями полуязыческаго характера. Златоустъ, всегда возставшій противъ зрѣлищъ, имѣлъ тѣмъ болѣе основаній протестовать противъ этихъ празднествъ, что неурисойные крики черни врывались въ храмъ и мѣшали богослуженію. Онъ обратился съ соотвѣтствующимъ заявленіемъ къ префекту города и сказалъ проповѣдь къ народу. Обо всемъ этомъ въ извращенномъ видѣ было доложено императрицѣ, и вѣрность долгу послужила причиной новыхъ гоненій на святителя.

Б. Ни о чемъ св. Іоаннъ Златоустъ не говорилъ такъ много и такъ часто, какъ о богатствѣ и бѣдности. Онъ разсматриваетъ этотъ вопросъ съ различныхъ сторонъ и по различнымъ поводамъ. Поэтому высказанныя имъ идеи составляютъ сложное цѣлое, въ которомъ не легко разобраться. Въ цѣляхъ правильнаго пониманія ихъ необходимо прежде всего отмѣтить основную точку зрѣнія проповѣдника.

Имущественныя отношенія можно обсуждать съ политической, соціальной и моральной точки зрѣнія. Соотвѣтственно различію этой послѣдней получаютъ не одинаковые результаты, хотя ихъ частичныя совпаденія не исключаются. Въ лицѣ св. Іоанна Златоуста предъ нами стоитъ проповѣдникъ религіозно-нравственнаго возрожденія общества. По одному этому можно уже догадываться объ общемъ характерѣ его ученія.

Какъ бы велики ни были совпаденія между отдѣльными элементами этого ученія и социалистическими теоріями, въ

1) Ludwig, F. Der hl. Iohannes Chrysostomus in seinem Verhältniss zum byzantinischen Hof. Braunsberg 1883 S. 55—58.

общемъ оно сохраняетъ свою своеобразность и движется какъ бы въ совершенно иной плоскости.

Чтобы раздѣльнѣ изложить взгляды св. отца на собственность, мы расположимъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: а) имущественныя отношенія въ конечномъ идеалѣ, б) рекомендуемые проповѣдникомъ способы осуществленія идеала въ реальной дѣйствительности, в) критика дѣйствительныхъ имущественныхъ отношеній, г) заботы святителя о развитіи нравственнаго самосознанія бѣдныхъ.

а). Въ идеальномъ христіанскомъ обществѣ, по ученію Златоуста, не должно быть никакого неравенства. Отличительная черта христіанскаго общества—это любовь, которая связываетъ между собою всѣхъ его членовъ. Но „любви свойственно отвергать всякое неравенство, не знать преимущества и достоинства, но нисходить къ низшему изъ всѣхъ“ ¹⁾. Отсюда истинныхъ христіанъ не должны раздѣлять жестокія слова: твое и мое ²⁾, тѣмъ болѣе, что это не соответствуетъ волѣ Божіей, такъ ясно выраженной въ созданіи міра. „У животныхъ все общее — земля, источники, пастбища, горы и лѣса, и ни одно изъ нихъ не имѣетъ больше другого“. У людей также общая природа, общая участь и многое кромѣ природы и участи: общее небо, солнце, луна, воздухъ, море. Общія также и духовныя блага: тѣло и кровь Господа, баня возрожденія, обѣтованіе царствія. „Поэтому, заключаетъ св. отецъ свои слова, не безумно ли тѣмъ, которые имѣютъ между собою столько общаго—и природу, и благодать, и обѣтованія, и законы,—быть пристрастными къ богатству, не соблюдать въ этомъ равенства, но превосходить свирѣпостью звѣрей“ ³⁾.

б). Ученіе св. Іоанна Златоуста о способахъ осуществленія идеала имущественнаго равенства въ реальной дѣйствительности не отличается единствомъ. Святитель высказываетъ двѣ существенно различныхъ теоріи и ставитъ ихъ другъ подле друга, не пытаясь примирить между собою. Одна изъ нихъ является болѣе радикальной, другая не затрогиваетъ существенно сложившейся строй жизни. Можно догадываться, что со-

¹⁾ Т. III, 325.

²⁾ Ibid. XI, стр. 705 ср. XI, 181; X, 95.

³⁾ V, 579-580. Особ. XI, 704—705.

знаніе неосуществимости первой побуждало проповѣдника чаще, подробнѣе и настойчивѣе останавливаться на второй. Точкою отправленія для той и другой служили извѣстные церковныя учрежденія, предносившіяся уму проповѣдника и расширяемая имъ на все христіанское общество. Первый рекомендуемый святителемъ способъ разрѣшенія имущественнаго вопроса—добровольный коммунизмъ, второй—индивидуальный, но для каждого обязательный, отказъ отъ части имущества въ пользу бѣдныхъ.

Библейскимъ основаніемъ для проповѣди коммунистическаго пользованія имуществомъ святителю служилъ примѣръ іерусалимской церкви апостольскаго времени.

Члены этой общины „изгнали изъ своей среды неравенство“. Они продавали все свое имущество и сносили деньги къ ногамъ апостоловъ, а тѣ, какъ распорядители, распредѣляли эти богатства между всѣми. Но опытъ іерусалимской церкви, по мысли св. Іоанна Златоуста, можно повторить и въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Описавъ единодушіе вѣрующихъ въ Іерусалимѣ, онъ приглашалъ жителей столицы сдѣлать подобный же опытъ—принести церкви всѣ свои деньги, поля, имѣнія, жилища, съ тѣмъ, чтобы эти средства были употреблены на удовлетвореніе общихъ нуждъ. Разсчитывая составить такимъ образомъ сумму въ три милліона литровъ золота, а также принимая во вниманіе выгоды общаго хозяйства, онъ приходитъ къ заключенію, что всѣ были бы съ избыткомъ удовлетворены, что, испробовавъ на дѣлѣ и убѣдившись въ благѣ общенія имуществъ, всѣ охотно перешли бы къ новому строю жизни, что это привлекло бы къ вѣрѣ во Христа всѣхъ язычниковъ. Свою рѣчь проповѣдникъ заканчиваетъ словами полными надежды: „*послушайте меня, устроимъ дѣла такимъ порядкомъ и, если Богъ продлитъ жизни, то, я увѣренъ, что мы скоро будемъ вести такой образъ жизни*“¹⁾. Предлагая жителямъ столицы предоставить все свое имущество въ распоряженіе церкви, которая изъ общаго достоянія выдавала бы всѣмъ на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей, Златоустъ упоминаетъ о монастырѣ. Экономическую жизнь большого города онъ предполагалъ организовать по типу монастырской. Онъ исходилъ не

¹⁾ Т. IX, 112—114.

изъ отвлеченной идеи, а изъ того, что было уже осуществлено въ церковной жизни, хотя и въ малыхъ размѣрахъ. Тѣмъ не менѣе въ этихъ призывахъ къ добровольному коммунизму во имя братской любви къ ближнему, было болѣе благородной мечты, чѣмъ практическаго разчета. Между порядками, принятыми въ тогдашнихъ монастыряхъ, и тѣмъ, что рекомендовалъ Златоустъ жителямъ столицы, была одна существенная разница: въ монастыряхъ былъ принятъ не только коммунизмъ потребления, но, какъ его необходимое дополнение, и коммунизмъ труда. Поскольку община, устроившаяся на коммунистическихъ началахъ, не пользуется притокомъ средствъ извнѣ, она необходимо должна требовать отъ своихъ членовъ обязательнаго труда и участія въ производствѣ необходимаго для жизни. Возможность же социализации труда въ кружныхъ масштабахъ—въ городахъ и государствахъ—стояла внѣ кругозора того времени. Поэтому, говоря объ общеніи имуществъ въ Иерусалимѣ и о желательности перехода къ нему въ Константинополь, проповѣдникъ христіанской любви и милостыни, не связываетъ этотъ переворотъ съ идеей совмѣстнаго труда и не рѣшаетъ вопроса, откуда будутъ пополняться средства общины. Ближе подходит онъ къ основной проблемѣ современныхъ социалистическихъ теорій въ другомъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ о городѣ богатыхъ и городѣ бѣдныхъ. Городъ, населенный бѣдными ремесленниками, не знающими, что такое золото и драгоценные камни, но имѣющими мозолистыя, привычныя къ труду руки, можетъ существовать, производя для себя все необходимое; городъ же богатыхъ, не умѣющихъ и не желающихъ трудиться, долженъ или пригласить ремесленниковъ, или отказаться отъ праздности, или погибнуть ¹⁾. Но это сравненіе двухъ воображаемыхъ городовъ сдѣлано проповѣдникомъ только для того, чтобы показать безсиліе богачей и невозможность для нихъ обходиться безъ бѣдныхъ. Общность же и обязательность труда не связывается въ сознаніи Златоуста съ общеніемъ имуществъ, какъ условіе послѣдняго. Вслѣдствіе этого онъ ясно видѣлъ невозможность осуществленія коммунистическаго устройства общества и обычно свой идеаль имущественнаго уравненія

¹⁾ X, 343—349.

выражалъ въ другой формѣ, обращаясь съ нимъ не къ обществу, а къ индивидуальной совѣсти.

Неравенство состояній необходимо, потому что именно на немъ держится весь порядокъ жизни. Нужда есть изобрѣтательница всѣхъ искусствъ. „Уничтожь бѣдность, и тогда не будетъ ни корабельщика, ни кормчаго, ни земледѣльца, ни домостроителя, ни кузнеца и ни кожевника, ни хлѣбопекаря и никого изъ подобныхъ ремесленниковъ, а безъ нихъ у насъ все разстроится. Теперь бѣдность служитъ для нихъ лучшею учительницей, какъ бы сидя при каждомъ изъ нихъ и даже противъ воли побуждая къ работѣ“¹⁾.

Чтобы сохранить побужденіе къ труду, Богъ ввѣряетъ всѣ матеріальныя блага, принадлежащія въ собственномъ смыслѣ Ему, немногимъ лицамъ, богатымъ, на опредѣленныхъ условіяхъ.

Прежде всего богатый не долженъ смотрѣть на имущество, какъ на свою личную собственность, съ которой онъ можетъ поступать по своему усмотрѣнію. Онъ только казнохранитель Божій, которому ввѣрено богатство не для того, чтобы тратить его на свои удовольствія, а для совершенно опредѣленныхъ цѣлей²⁾. Отсюда богатство не всегда есть зло. Оно является благомъ при наличности двухъ условій. Во-первыхъ, если оно дѣйствительно подается Богомъ, а не наживается путемъ хищенія, несправедливости и присвоенія чужого. Во-вторыхъ, въ томъ случаѣ, если оно расходуется на вужды бѣдныхъ.

Иногда богатство подается Богомъ. Таково было богатство Авраама и Іова. Златоустъ признаетъ имущество этихъ праведниковъ богодарованнымъ потому, что оно состояло главнымъ образомъ изъ скота, размноженіе котораго въ условіяхъ патріархальной жизни очень часто не зависитъ отъ владѣльца, а обусловлено стоящими внѣ его власти стихійными силами³⁾.

¹⁾ IV. 826.

²⁾ Ibid. T. I, 796; V, 313—314, VIII, 217.

³⁾ „Богатство Іова состояло не въ золотѣ, не въ серебрѣ, не въ зданіяхъ, а въ скотѣ; иначе говоря,—богатство это отъ Бога. А что богатство его состояло изъ скота, это видно изъ того, что писатель книги, перечисляя то, что случилось съ тѣмъ блаженнымъ, и говоря, что у него умерли верблюды, и кобылы, и ослы, не сказалъ, что враги, придя, расхитили у него золотыя сокровища. Кромѣ того и Авраамъ тоже былъ

Богатство ввѣряется Богомъ отдѣльному лицу для раздачи его бѣднымъ. „Какъ казнохранитель, получившій царскія деньги, если не раздастъ ихъ кому приказано, а истратитъ на собственную прихоть, подвергается наказанію и гибели; такъ и богачъ есть какъ бы пріемщикъ денегъ, слѣдующихъ къ раздачѣ бѣднымъ, получившій повелѣніе раздѣлить ихъ нуждающимся изъ его сослужителей; посему, если онъ истратитъ на себя сколько нибудь сверхъ необходимой нужды, то подвергнется за грабежъ жесточайшей отвѣтственности, потому что имущество его принадлежит не ему собственно, но его сослужителямъ“¹⁾. Богатство—благо, если человекъ, умѣренно пользуясь имъ, остальное раздаетъ бѣднымъ на пропитаніе²⁾. Идеаль богатаго, который смотритъ на имущество, находящееся въ его рукахъ, какъ на общее достояніе, былъ осуществленъ апостолами. Вѣрующіе, продавая свое имущество, сносили вырученныя деньги къ ихъ ногамъ, но апостолы остались выше богатства³⁾. Далѣе примѣромъ подобнаго же праведнаго отношенія къ богатству служить Іовъ и особенно Авраамъ. Послѣдній отказывалъ себѣ во всякаго рода излишествахъ. Его жилищемъ, несмотря на богатство, были не роскошныя палаты, а куца у дуба. Онъ не ждалъ, пока бѣдный обратится къ нему съ просьбой о помощи, но, выходя изъ своего жилища, искалъ „нѣтъ ли гдѣ странника, нѣтъ ли гдѣ нищаго, чтобы помочь нищетѣ и принять путника“⁴⁾.

Во всемъ сказанномъ ранѣе предполагается, что богатый можетъ употреблять часть своего имущества и на удовлетвореніе своихъ личныхъ нуждъ. Нѣсколько разъ и прямо дѣлаются оговорки въ этомъ смыслѣ. Богатый умѣренно долженъ пользоваться удовольствіями имущественной безопасности, остальное же долженъ раздавать на пропитаніе бѣднымъ⁵⁾. Не на излишества, а на необходимое онъ можетъ удерживать для себя изъ ввѣреннаго ему достоянія.

богатъ, но рабами. Что же? Неужели онъ не купилъ ихъ? Нѣтъ; поэтому и замѣчаетъ писаніе, что у него было 318 домочадцевъ. Сверхъ того ему принадлежали и овцы и волаы” *ibid*: Т. XI, стр. 703 стр. X, 351—352.

¹⁾ *Ibid*. I, 796.

²⁾ *Ibid* Т. I, стр. 865 ср. IX, 561. 687; X, 95—96, XI, 704.

³⁾ *Ibid*. V, 313—314.

⁴⁾ *Ibid*. Т. II, стр. 34, подробнѣе объ этомъ же V, 566—568 IV, 713.

⁵⁾ *Ibid*. Т. I, 863.

Въ связи съ этой мыслию нужно отмѣтить и тотъ фактъ, что Златоустъ обыкновенно говоритъ не объ имуществѣ, а о богатствѣ. Онъ отрицаетъ не всякое вообще владѣніе, а роскошь. „Что такое богатство, спрашиваетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, и тотчасъ отвѣчаетъ: золото, серебро, драгоценные камни, шелковыя, пурпуровыя и золотыя одежды“¹⁾. „Хотѣлъ бы я узнать, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, зачѣмъ люди такъ много заботятся о богатствѣ? Вѣдь Богъ назначилъ природѣ мѣру и границы, чтобы мы не имѣли никакой необходимости искать богатства. Онъ повелѣлъ, напр., одѣвать тѣло одной или двумя одеждами, а затѣмъ лишняя не нужна для защиты тѣла. Для чего же тысячи одеждъ, эта молебщина? Положена также и мѣра въ принятіи пищи, и употребленное выше этой мѣры необходимо вредить всякому живому существу; для чего же эти стада, пастбища и скопленіе мяса? Намъ нуженъ тотъ только одинъ кровъ, для чего же эти хоромы, эти многоцѣнные жилища“²⁾.

Таковъ принципиальный взглядъ Іоанна Златоуста на богатство. Въ основѣ этой теоріи лежитъ идеализированная церковная практика. Какъ исходною точкой для предложенія жителямъ столицы передать все свое имущество на общія нужды служилъ тогдашній монастырь съ его строгимъ коммунизмомъ, такъ прототипомъ праведнаго богача былъ епископъ, распредѣляющій церковныя имущества. Главное назначеніе церковнаго имущества состояло въ помощи нуждающимся, поэтому на языкѣ того времени оно называлось достояніемъ бѣдныхъ, и такое словоупотребленіе не было фразой. Извѣстная часть этого имущества шла на нужды богослуженія; изъ него же получалъ на свое содержаніе клиръ. Это послѣднее обстоятельство нисколько однако не противорѣчило понятію о церковномъ достояніи, какъ имуществѣ бѣдныхъ, потому что клиръ самъ былъ бѣденъ, добывалъ себѣ средства къ жизни собственнымъ трудомъ³⁾ и

¹⁾ Ibid. 10, 349.

²⁾ Ibid. Т. XI, стр. 21—22.

³⁾ „Зенонъ, епископъ Маюмскій... ткалъ на одноверетенномъ станкѣ льняную одежду, и чрезъ это не только доставалъ все нужное для себя, но помогалъ другимъ, и до самой кончины не переставалъ заниматься этимъ дѣломъ, хотя былъ старше всѣхъ мѣстныхъ епископовъ и начальствовалъ надъ многочислѣннѣею и богатѣею церковью“. Созоменъ, Церк. Ист. кн. VII, 28.

получалъ пособіе изъ церковныхъ средствъ только на необходимое и только въ томъ случаѣ, если не могъ свискивать пропитаніе собственными руками. Епископъ тоже пользовался церковными доходами, но и отъ него требовалось, чтобы онъ жилъ въ бѣдности и былъ умѣренъ въ пищѣ и питьѣ. Полновластный распорядитель церковныхъ имуществъ, онъ могъ взять на свое личное содержаніе больше или меньше по своему усмотрѣнію, но онъ долженъ былъ помнить, что все, обращенное имъ на собственныя нужды, взято у бѣдныхъ ¹⁾. А это, при отсутствіи юридическаго контроля создавало для человѣка съ совѣстью страшную отвѣтственность и могучее нравственное ограниченіе. Вотъ этотъ то взглядъ на епископа Златоустъ и стремится распространить на всякаго собственника вообще.

Теперь поставимъ вопросъ, отрицалъ-ли Златоустъ богатство. Ясно, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить и да и нѣтъ, и такой двойственный отвѣтъ допустимъ съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Великій святитель не только не требовалъ насильственнаго отчужденія богатства, что противорѣчило бы всѣмъ его принципамъ, но не отрицалъ его принципиально и съ нравственной точки зрѣнія. Онъ постоянно повторяетъ, что борется не съ богатствомъ, а съ дурнымъ употребленіемъ богатства. Однако допустимость богатства онъ обставляетъ такими ограниченіями, которыя равносильны самому отрицанію его. Если человѣкъ искренно станетъ считаться съ этими ограниченіями, то фактически онъ не въ состояніи будетъ обогатиться, а если и получитъ въ свои руки значительное состояніе, то не въ состояніи будетъ удержать его. Богатство хорошо, если оно нажито безъ нарушенія интересовъ другого. Но трудно и вообразить такой способъ обогащенія. Богатство благо, когда оно расходуется на бѣдныхъ. Но такъ какъ бѣдныхъ много и всѣ они страшно нуждаются, то при серьезной попыткѣ помочь имъ, богатство растаетъ очень скоро. Та же двойственность получается при взглядѣ на предметъ еще и съ другой точки зрѣнія. Рѣшеніе вопроса о способахъ пріобрѣтенія богатства и о границахъ допустимаго пользованія имъ вѣрнется со-

1) Georg Ratzinger. Geschichte der kirchlichen Armenpflege. 2 Aufl. Freiburg im Breisgau. 1884 S. 116—125.

вѣсти самого богатаго, но совѣсть растяжима. Для человѣка съ покладистой совѣстью очень многіе способы пріобрѣтенія богатства могутъ казаться невинными и понятіе необходимаго можетъ раздвигаться до очень широкихъ границъ. Напротивъ, для чуткой совѣсти всѣ способы обогащенія покажутся чуждыми Евангелію, а понятіе необходимаго сузится до одной одежды и куска хлѣба. Онъ станетъ разсуждать такъ, какъ разсуждаетъ Василій Великій въ бесѣдѣ о богатомъ юношѣ: „видно, что ты далекъ отъ заповѣди любви и ложно засвидѣтельствовалъ о себѣ, что возлюбилъ ближняго, какъ самого себя. Ибо вотъ повелѣваемое Господомъ вполнѣ изобличаетъ тебя, что нѣтъ въ тебѣ истинной любви. Еслибъ справедливо было утверждаемое тобой, что отъ юности сохранилъ ты заповѣди любви и столько же воздавалъ каждому, сколько и себѣ, то откуда у тебя такое огромное состояніе? Попеченіе о нуждающихся расточительно для богатства. Хотя каждый на необходимое содержаніе беретъ немного, однако же, такъ какъ всѣ вмѣстѣ получаютъ часть изъ имѣнія, то издерживаютъ его на себя. Поэтому кто любить ближняго, какъ самого себя, тотъ не имѣетъ у себя ничего излишняго передъ ближнимъ. Но ты оказываешься имѣющимъ стяжанія многа. Откуда же это у тебя? Не ясно ли изъ этого, что собственное свое удовольствіе предпочитаешь ты облегченію участи многихъ?... Если бы одѣвалъ ты нагого, если бы отдавалъ хлѣбъ свой алчущему, еслибъ дверь твоя отворена была всякому страннику, еслибъ ты былъ отцомъ сиротъ, еслибъ ты сострадалъ всякому немощному, то о какомъ имѣніи сталъ бы ты скорбѣть теперь“ ¹⁾. Что дѣйствительно въ существѣ подобныхъ возрѣвній лежала неопредѣленность, что вся сумма этихъ понятій является слишкомъ растяжимой, лучше всего показываетъ примѣръ отношеній къ церковному имуществу тогдашнихъ епископовъ. Григорій Богословъ, Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ ограничивали свои потребности до послѣдней степени, чтобы не пользоваться предназначеннымъ для бѣдныхъ, а Нектарій и Сисиній тратили эти деньги на роскошь и удобства жизни. Такимъ образомъ, при той постановкѣ вопроса объ имуществѣ, какая дана была Златоустомъ, его разрѣ-

¹⁾ Василій Великій. Творенія въ рус. пер. т. IV, стр. 95—96.

шеніе ставилось въ зависимость отъ чуткости индивидуальной совѣсти. Поэтому самый планъ реформы имущественныхъ отношеній требовалъ суровыхъ обличеній. Логика вещей вызывала на рѣзкія обращенія къ богатымъ съ цѣлю дать имъ почувствовать, что богатство ихъ и пріобрѣтено неправильно и употребляется не такъ, какъ должно. Сводя все къ рѣшенію индивидуальной совѣсти, необходимо было по крайней мѣрѣ обострить ее и не позволить ей успокоиться на мысли, что если вообще возможно праведное богатство, то оно является таковымъ и въ эмпирической дѣйствительности. Именно въ этомъ видѣлъ необходимость строгихъ обличеній и самъ святитель. „Отъ кого ты услышишь слова обличенія, если не отъ меня, обращается онъ къ богатому. Всѣ боятся тебя, а я не смотрю на тебя, презираю тебя, презираю страсть твою. Я дѣлаю разрѣзъ, ты кричишь, но я не боюсь крика твоего, потому что я—врачъ“ ¹⁾. Эти соображенія заставляли Златоуста какъ можно чаще возвращаться къ вопросу, законно ли пріобрѣтены богатства, которыя онъ видѣлъ вокругъ себя и правильно ли они употребляются. Такъ мы переходимъ къ третьему пункту.

в). На первый вопросъ онъ отвѣчаетъ почти всегда отрицательно. Допуская абстрактную возможность происхожденія богатства отъ Бога, онъ съ большимъ сомнѣніемъ относится къ богатствамъ, которыя видѣлъ въ окружающей дѣйствительности. Онъ не имѣлъ предъ глазами ни одного случая, когда богатство было бы пріобрѣтено вполне безукоризненно, и искалъ такихъ примѣровъ въ отдаленномъ прошломъ — въ лицѣ Авраама и Іова. Разсказавъ въ словѣ О Лазарѣ, какъ разбойники на большихъ дорогахъ грабятъ прохожихъ и дѣлаютъ хищническіе набѣги, онъ прибавляетъ: „такъ разсуждай о богачахъ корыстолюбивыхъ. Они—какіе то разбойники, застѣвшіе при дорогахъ, грабящіе проходящихъ и зарывающіе имущество другихъ въ своихъ кладовыхъ, какъ бы пещерахъ и подземельяхъ“ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „не всякій богатъ отъ Бога, но многіе и отъ неправды, грабительства и любостыжанія. Развѣ Тотъ, Кто повелѣлъ не собирать богатства, по-

1) Ibid. Т. V, стр. 566.

2) Ibid. Т. I, стр. 788.

дасть то, чего не велѣлъ приобрѣтать?“ 1). Исходя изъ этой мысли, Златоустъ не только осуждаетъ богатство, приобрѣтенное явно безчестнымъ путемъ (богатство блудницы, гробкопателя, хищника) 2), но и вообще высказываетъ сомнѣніе въ возможности нажить большое состояніе, не обижая другихъ. „Въ отношеніи имущества, говоритъ онъ, невозможно быть одному богатымъ безъ того, чтобы напередъ другой не сдѣлался бѣднымъ“ 3). „Не съ богатствомъ приходитъ правда; хотя чрезъ него, но не съ нимъ приобрѣтается. Невозможно любостыжанію и правдѣ обитать вмѣстѣ“ 4). „Если хочешь оставить дѣтямъ богатство, приобрѣтай богатство честное, если только таковое бываетъ 5). Многие, защищая свои богатства, ссылались на то, что они получены по наслѣдству. Св. Іоаннь Златоустъ по этому поводу говорить, что наслѣдованіе имущества не разрѣшаетъ вопросъ о его происхожденіи, а только отодвигаетъ его. „Скажи мнѣ, откуда ты приобрѣлъ богатство? Отъ кого ты получилъ его? А другой откуда взялъ? Отъ дѣда, скажешь ты, отъ отца. Но можешь ли ты, восходя чрезъ длинный рядъ поколѣній, доказать такимъ образомъ, что имущество это законно приобрѣтено? Никакъ не можешь этого сдѣлать. Напротивъ, начало и корень его непременно должны скрываться въ какой нибудь несправдливости. Почему такъ? Потому что сначала Богъ не сдѣлалъ одного богатымъ, а другаго бѣднымъ, и, приведши (людей), не показалъ одному многихъ золотыхъ сокровищъ, а другаго лишилъ этого приобрѣтенія, но всѣмъ предоставилъ для воздѣлыванія одну и ту же землю. Какимъ же по этому образомъ, когда она составляетъ общее достояніе, ты владѣешь столькими то и столькими участками, а ближній не имѣетъ ни клочка земли“ 6).

Употребленіе богатства въ окружавшемъ обществѣ вызвало не менѣе рѣзкія обличенія и порицанія святителя. Безумная роскошь и полное равнодушіе къ жалкому положенію, въ которомъ находились бѣдные, шли рука объ руку.

1) Ibid. Т. X, стр. 293.

2) Ibid. Т. X, стр. 350—351.

3) Ibid. Т. X, стр. 419.

4) Ibid. Т. X, стр. 642.

5) Ibid. Т. XI, стр. 21.

6) Ibid. Т. XI, стр. 704.

Златоустъ смотрѣлъ на эти излишества, какъ на похищеніе собственности бѣднаго, какъ на оскорбленіе Христа, отождествившаго себя съ нуждающимся. „Господь твой, говоритъ проповѣдникъ, ходитъ алчущимъ, а ты живешь въ роскоши! И не это одно странно, а и то еще, что, живя въ роскоши, ты дерзаешь презирать Его, при томъ тогда, когда онъ проситъ не многого чего-либо, а только одного хлѣба, чтобы утолить голодь. Онъ ходитъ, цѣпенѣя отъ холода, а ты, одѣтый въ шелковыя ткани, не обращаешь на Него вниманія, не показываешь никакого состраданія, но безъ всякаго милосердія проходишь мимо. Какого извиненія можетъ это заслуживать?“ ¹⁾ „Для чего, скажи мнѣ, ты носишь шелковыя одежды, вѣдишь на златосбруйныхъ коняхъ и украшенныхъ лошакахъ? Лошакъ украшается снизу; золото лежитъ и на покрывалѣ его; безсловесные лошаки носятъ драгоценности, имѣя золотую узду; безсловесные лошаки украшаются, а бѣдный, томимый голодомъ, сидитъ при дверяхъ твоихъ и Христосъ мучится голодомъ“ ²⁾. „Покажи мнѣ руку жены, любящей украшеніе, и ты увидишь, какъ эта рука снаружи покрыта золотомъ, а внутри подвергнута осадѣ. Достояніе сколькихъ бѣдныхъ, скажи мнѣ, носить рука твоя?“ ³⁾. „Ты, вымывшись въ банѣ, одеваешься въ мягкія одежды и возвращаешься съ радостію и веселіемъ, поспѣвая къ приготовленному роскошному ужину, а бѣдный, непрестанно гонимый голодомъ и голодомъ, ходитъ по всѣмъ площадямъ съ поникшей головою, протягивая руки и даже отъ страха не смѣя напомнить сытому и покоющемуся о необходимой пищѣ, и часто отходить, осыпанный укоризнами. Потому, когда ты возвратишься домой, когда возляжешь на ложѣ, когда въ домѣ твоёмъ будетъ устроено блистательное освѣщеніе и приготовлена роскошная трапеза, вспомни объ этомъ бѣдномъ и несчастномъ, который подобно псамъ ходитъ по переулкамъ во мракѣ и грязи, и возвращается оттуда часто не домой, не къ женѣ, не на ложе, а на кучу сѣна, подобно псамъ, лающимъ всю ночь... Какой звѣрь не будетъ пораженъ этими обстоятельствами?“ ⁴⁾.

¹⁾ Ibid. T. IV, стр. 547.

²⁾ Ibid. T. V, стр. 569.

³⁾ Ibid. 568.

⁴⁾ Ibid. T. X, стр. 107.

г). Проповѣдь св. Іоанна Златоуста о богатствѣ и милостынѣ имѣла въ виду, помимо моральныхъ интересовъ богатыхъ, матеріальные интересы бѣдныхъ. Милостыня должна была хотя бы до нѣкоторой степени сгладить ужасающіе размѣры имущественнаго неравенства. Но святитель разсматривалъ вопросъ о богатствѣ и бѣдности не съ экономической, а съ религіозно-нравственной точки зрѣнія. Поэтому онъ не ограничивался заботами объ устраненіи подавляющей матеріальной нужды бѣдныхъ классовъ, но ставилъ своею задачей возвысить бѣдняка нравственно, ободрить его, дать ему почувствовать, что онъ не только ни въ чемъ не уступаетъ богачу, окруженному блескомъ, по своей внутренней цѣнности, но можетъ безконечно превосходить его въ этомъ отношеніи. Эта сторона ученія св. Іоанна рѣдко затрогивается, а между тѣмъ въ ней то съ особенною ясностію и выражается широта сердца, тонкость моральнаго сужденія и любовь къ бѣднымъ проповѣдника.

Бѣднякъ вездѣ и всегда является существомъ пренебрегаемымъ. Его вынужденное невѣжество, грубость и неопрятность возбуждаютъ въ вышихъ классахъ презрѣніе. То, чего мы никогда не позволили бы себѣ по отношенію къ человѣку своего круга, мы на каждомъ шагу, не задумываясь, допускаемъ по отношенію къ бѣдному. Даже церковь апостольскаго времени, когда духъ взаимной любви и братства вѣрующихъ проявлялся съ несравненной силой, не была свободна отъ лицеизрѣнія. „Если въ собраніе ваше, читаемъ въ посл. ап. Іакова, войдетъ человѣкъ съ золотымъ перстнемъ, въ богатой одеждѣ, и вы, смотря на богатую одежду, скажете ему: тебѣ хорошо сѣсть здѣсь, а бѣдному скажете: ты стань тамъ, или садись здѣсь у ногъ моихъ; то не станете ли вы судьями съ худыми мыслями?“¹⁾ Во всякомъ обществѣ имущественно слабый наименѣе защищенъ отъ обидъ и насилій. Но на внутреннемъ состояніи человѣка неизбѣжно отражается общественное мнѣніе о немъ. Пренебреженіе среды, въ которой живетъ человѣкъ, въ качествѣ естественнаго рефлекса, превращается во внутреннее пренебреженіе его къ себѣ самому. Онъ начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на существо, для котораго нѣтъ мѣста въ Божіемъ

1) Гл. II, стт. 2—4.

мірѣ. И предъ горечью и обидой такого сознанія матеріальная нужда можетъ отодвигаться уже на второй планъ. Но кромѣ своей мучительности, эта внутренняя разбитость и приниженность часто дѣлаетъ бѣдняка совершенно неспособнымъ къ нравственной жизни. Все это видѣлъ св. Іоаннъ Златоустъ и добровольно поставилъ себя въ ряды бѣдныхъ, чтобы поднять ихъ до себя, вдохнуть въ нихъ нравственную бодрость, освободить ихъ отъ внутренней приниженности.

Въ одной бесѣдѣ святитель говоритъ: „сводъ звѣздный и кругъ луны—не всѣмъ ли равно принадлежать? Даже, странно сказать, *мы бѣдные* пользуемся имъ болѣе, нежели *они* (богатые)“¹⁾. „Мы—бѣдные“... здѣсь только два слова, но они служатъ выраженіемъ внутренняго строя личности, который стоитъ за ними. Когда ставится вопросъ объ отношеніи богатыхъ и бѣдныхъ, господъ и слугъ, предпринимателей и рабочихъ, то чрезвычайно важно знать, на сторонѣ какого класса стоитъ проповѣдникъ внутренне, среди какихъ людей чувствуетъ онъ себя своимъ, кто для него кровно близокъ. „Мы бѣдные“, говоритъ первый іерархъ восточной половины римской имперіи. Въ настоящее время не только ни одинъ епископъ, но даже ни одинъ сельскій священникъ не можетъ безъ лицемѣрія обратиться съ такими словами къ бѣднымъ: не бѣднѣйшая часть населенія является для настоящаго духовенства тѣмъ классомъ, съ которымъ его связываетъ внутренняя, кровная близость. Но въ устахъ св. Іоанна Златоуста эти случайно оброненныя слова были глубоко правдивы. Они показываютъ, что бѣдный для него былъ болѣе своимъ, чѣмъ богатый. Въ этомъ случаѣ святитель не представлялъ собою исключенія. Онъ былъ выразителемъ церковнаго быта. Такъ же еще продолжали чувствовать лучшіе епископы той эпохи. Св. Василій Великій тоже однажды сказалъ: „мы, бѣдные, не имѣемъ ничего кромѣ свободы“. Какъ уже было сказано ранѣе, представители клира, принимая на себя служеніе церкви, нерѣдко отказывались отъ своего личнаго состоянія и ставили себя въ положеніе бѣдныхъ, пользующихся подаеніемъ церкви для удовлетворенія лишь самыхъ настоятельныхъ нуждъ. Это сразу родило клиръ съ угнетенными и презираемыми. Но, съ другой стороны, самое

1) Твор. Т. X, стр. 585.

это отреченіе отъ преимуществъ рожденія и состоянія было актомъ величайшаго милосердія. Нужно только представить себѣ, какимъ утѣшеніемъ и ободреніемъ было для бѣднаго видѣть, какъ люди аристократическаго круга отказывались отъ огромныхъ состояній и добровольно становились въ ряды нищихъ, получающихъ на пропитаніе изъ церковныхъ суммъ. Подобные факты поневолѣ заставляли бѣдняка задуматься, нѣтъ ли въ его тяжелой долѣ чего-нибудь свѣтлаго и достойнаго, и одного этого было уже достаточно, чтобы смягчить горечь бѣдности. Кромѣ того только добровольная бѣдность могла давать Златоусту и другимъ пастырямъ нравственное право говорить къ богатымъ объ отреченіи отъ излишковъ въ пользу бѣдныхъ и къ бѣднымъ о ничтожествѣ богатства. Когда епископъ, живущій въ роскоши, осмѣливается проповѣдывать объ евангельской простотѣ и милосердіи, его проповѣдь въ лучшемъ случаѣ является обрядомъ, никого ни къ чему не обязывающимъ, а когда онъ тратитъ свое краснорѣчіе на описаніе благъ и счастья бѣдности, то становится смѣшнымъ для всѣхъ вообще, а для бѣдныхъ сверхъ того его слова звучатъ и обильнымъ резонерствомъ.

Въ своемъ стремленіи ободрить бѣдныхъ и поднять ихъ нравственно, Златоустъ прежде всего возстаетъ противъ пренебрежительнаго отношенія къ обездоленному, которое само собою превращается въ его внутреннюю подавленность. Онъ порицаетъ представителей высшихъ классовъ за то, что они не имѣютъ жизненнаго общенія съ бѣдными. „Почему ты,—обращается онъ къ богачу, замыкающемуся въ своихъ палатахъ,—будучи самъ человѣкомъ, не хочешь сообщаться съ людьми, но ищешь пустыни среди городовъ, не думаешь, что Господь твой вкушалъ пищу съ мытарями, бесѣдовалъ съ блудницей, распялся съ разбойникомъ и обращался между людьми“? ¹⁾). Онъ убѣждаетъ богатыхъ оказывать помощь нуждающимся, не входя въ обсужденіе вопроса, достойны ли они помощи. Авраамъ не спрашивалъ странниковъ, кто они и откуда, и удостоился принять у себя Бога и ангеловъ. Отецъ небесный посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. „Милостыня потому такъ и называется, что мы подаемъ ее и недостойнымъ“.

1) Ibid. T. V, стр. 577.

„Достоинство бѣднаго составляетъ одна нужда“. Мы должны подавать „не праву, а человѣку, и жалѣть его не за добродѣтель, а за несчастіе“ ¹⁾. Нужно не только помогать бѣднымъ деньгами, но и служить имъ своимъ трудомъ. Наши руки освящаются такимъ служеніемъ и когда мы, послѣ него, простираемъ ихъ на молитву, то Богъ умиловливается и подаетъ намъ просимое ²⁾. Нищій, пробуждающій въ насъ человѣколюбіе, служить нашему спасенію. „Помышляя объ этомъ мы должны смотрѣть на бѣдныхъ, какъ на благодѣтелей, какъ на людей ³⁾, доставляющихъ намъ средство къ спасенію; мы должны подавать имъ милостыню съ щедростью и горячимъ усердіемъ, никогда не дѣлая непріятнаго вида при подаваніи, но разговаривая съ ними весьма кротко и показывая великую снисходительность къ нимъ“ ⁴⁾. Въ лицѣ нищаго предъ богатымъ стоитъ самъ Христосъ. Въ немъ Господь какъ бы продолжаетъ свой искупительный подвигъ. Златоустъ влагаетъ въ уста Спасителя слѣдующія слова: „склонись жалостію къ самому естеству, видя Меня нагимъ, и вспомни о той наготѣ, какую Я терпѣлъ за тебя на крестѣ. А если не хочешь вспомнить о ней, представь наготу, которую терплю въ лицѣ нищихъ. И тогда Я нуждался для тебя, и теперь для тебя же нуждаюсь, чтобы ты, тронувшись тѣмъ или другимъ, захотѣлъ оказать какое-либо милосердіе; для тебя Я постился и опять для тебя же терплю голодь, жаждалъ, вися на крестѣ, жажду и въ лицѣ нищихъ, только бы тѣмъ или другимъ привлечь тебя къ Себѣ и для твоего же спасенія сдѣлать тебя человѣколюбивымъ“ ⁵⁾. Очень часто Златоустъ защищаетъ бѣдныхъ даже противъ обвиненій, которыя были не совсѣмъ неосновательны. Богачу, упрекающему нищихъ въ праздности, онъ отвѣчаетъ: „а ты развѣ не проводишь время въ праздности и забавахъ? Или часто не предаешься ли такой дѣятельности, которая хуже всякаго бездѣйствія, занимаясь грабительствомъ, насиліемъ, любостыжаніемъ?“ ⁶⁾.

1) Ibid. Т. I, стр. 707—798,

2) Ibid. Т. III, стр. 345—346.

3) Ibid. Т. XI, стр. 719 и X, 648.

4) Ibid. Т. IV, стр. 366.

5) Ibid, Т. IX, стр. 687.

6) Ibid. Т. X, стр. 106.

Бѣдный подѣ вліяніемъ нужды и недостатка въ необходимомъ совершаетъ преступленія. Но, отвѣчаетъ Златоустъ, „никто изъ бѣдныхъ, никто, не дѣлаетъ столько злодѣяній отъ бѣдности, сколько совершаютъ ихъ богатые изъ желанія большаго богатства и изъ опасенія, какъ бы не потерять уже хранящагося у нихъ“ ¹⁾. Бѣдные притворяются, чтобы выпросить для себя подачку, говорили другіе. Да, отвѣчаетъ Златоустъ, бѣдный притворяется, но если и такъ, то „притворяется по бѣдности и по необходимости, по причинѣ твоего жестокосердія и безчеловѣчія, требующаго такого притворства и иначе не приклоняющагося на милость. Кто въ самомъ дѣлѣ такъ несчастливъ и жалокъ, чтобы безъ всякой нужды, для куска хлѣба, принимать столь безобразный видъ, терзать себя, терпѣть такую муку? Итакъ, притворство его возвѣщаетъ всѣмъ о твоёмъ безчеловѣчій“ ²⁾. Сравнивая нищаго, живущаго милостыней, съ жаднымъ и безсердечнымъ богачемъ, Златоустъ отдаётъ всѣ преимущества первому, находя его способъ снискиванія пропитанія болѣе почетнымъ. Бѣдный беретъ на свои нужды у того, кто гораздо достаточнѣе его, а богатый требуетъ отъ бѣднаго. „Бѣдный получаетъ отъ дающихъ добровольно и расположенныхъ къ тому, богатые же отъ нежелающихъ и противящихся“. Бѣдный проситъ, будучи одѣтъ въ рубище, богатый, одѣваясь въ шелковыя одежды, держитъ у себя престарѣлыхъ бѣдныхъ, чтобы овладѣть ихъ имуществомъ въ ущербъ законнымъ наслѣдникамъ. Прося милостыню, нищіе всякій разъ говорятъ много поучительнаго, обращаясь къ богатому съ словами „любомудрія, назиданія, совѣта“. „А каковы рѣчи богатыхъ? Свойственныя свиньямъ, собакамъ, волкамъ и другимъ животнымъ“ ³⁾.

Возвышая бѣдныхъ въ глазахъ богатыхъ, Златоустъ въ то же время поднимаетъ ихъ собственное самосознаніе. Для этой цѣли онъ старался бѣдность вынужденную обратить въ добровольную, какъ бы въ свободно-принятый на себя подвигъ. Онъ убѣждалъ бѣдныхъ довольствоваться своей судьбой и не искать богатства, но изъ дальнѣйшаго изложе-

1) Ibid. Т. X, стр. 598.

2) Ibid. Т. X, стр. 208.

3) Ibid. Т. X, стр. 130—131.

нія читатель увидитъ, какъ далека была эта проповѣдь отъ призыва къ пассивному терпѣнью, который въ настоящее время звучитъ съ церковныхъ кафедръ всѣхъ вообще исповѣданій.

Богатство имѣетъ обаяніе. Почетъ, блескъ, роскошь, окружающія большія состоянія, ослѣпляютъ бѣднаго и влекутъ его къ себѣ съ неудержимой силой. Невозможность же достигнуть желаемого превращается въ жгучую зависть, развѣдающую, какъ ржавчина, душу человѣческую. Св. Іоаннъ Златоустъ въ своемъ стремленіи отстоять внутреннюю свободу бѣднаго ни о чемъ не говоритъ такъ часто, какъ о призрачномъ блескѣ богатства. Обращаясь къ бѣднымъ, онъ любитъ повторять и объяснять слова псалма „не бойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ или егда умножится слава дому его“ ¹⁾. Эти слова—сокровище и опора, источникъ внутренняго богатства и изобилія. „Ты выходишь, обращается проповѣдникъ къ бѣдному, и видишь человѣка, гордо сидящаго на златосбруйномъ конѣ и окруженнаго множествомъ копьеносцевъ; затѣмъ видишь человѣка бѣднаго и униженнаго. Въ тебѣ рождается зависть къ богатому и возбуждается отвращеніе къ бѣдному. Но является Давидъ, приступаетъ къ тебѣ и говоритъ: „не бойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ. Иди съ пророкомъ и не бойся“ ²⁾. Богатство не прочно. Оно возбуждаетъ къ себѣ всеобщую ненависть. Блескъ богатства не имѣетъ никакого отношенія къ нравственному достоинству личности. Мраморныя колонны, золотыя карнизы, фонтаны, портики, ковры, великолѣпныя спальни — „все это слава дома, а не слава человѣка“. „Стѣны обложены мраморомъ: какое же отношеніе къ человѣку, живущему въ нихъ? Потолки въ золотѣ: какое отношеніе къ ихъ владѣльцу? Главы колоннъ золотыя: какое отношеніе къ головѣ хозяина, оскверненной грѣхами? Полъ чистъ? Но совѣсть не чиста“ ³⁾. „Если ты увидишь кого нибудь облеченнаго блестящею одеждою и окруженнаго толпою тѣлохранителей, то раскрой его совѣсть—и ты найдешь внутри его много паутины и увидишь много нечистоты“ ⁴⁾. „Не смотри на пышныя оде-

1) Пс. XLVIII, 17.

2) Ibid. T. V, стр. 562.

3) Ibid. T. V, стр. 572.

4) Ibid. T. VII, стр. 649.

жды богатыхъ, но раскрой ихъ душу и взглядишь, не полна ли она безчисленныхъ ранъ, не одѣта ли въ рубище, не одинока ли она и не беззащитна ли? Какая польза въ этомъ безумномъ пристрастіи къ внѣшнему? Гораздо лучше быть бѣднымъ, но жить добродѣтельно, чѣмъ быть царемъ, но порочнымъ“ ¹⁾. Даже тѣло бѣднаго, питающееся простою и естественною пищею, чище, чѣмъ тѣло богача. Послѣднее напоминаетъ собою печь, въ которой горять мясо и кости, распространяя смрадъ и дымъ. „Таковы и утробы богатыхъ. Въ нихъ ты найдешь еще больше, чѣмъ въ той печи, и смрада, и зловонныхъ испареній, и отвратительнаго запаха, потому что все тѣло ихъ и каждая часть его отъ пресыщенія отзывается большою несваримостью желудка. Вѣдь когда естественная теплота обезсилена, не можетъ переварить всей пищи, то послѣдняя пробивается на поверхность тѣла, подобно дыму, и производитъ отвратительный запахъ“ ²⁾.

Подрывая обаяніе богатства въ глазахъ бѣдныхъ, Златоустъ всячески старался возвысить бѣдность. И это вытекало у него не изъ приспособленія къ слушателямъ, не изъ желанія просто утѣшить ихъ, а изъ искренняго убѣжденія въ преимуществахъ бѣдности. Эту вѣру въ высокую цѣнность простой, чуждой излишествъ жизни онъ доказалъ самымъ дѣломъ, отказавшись добровольно отъ богатства и роскоши. Сверхъ того проповѣдь бѣдности въ эпоху Златоуста звучала иначе, чѣмъ въ настоящее время. Стремленіе освободиться отъ богатства какимъ бы то ни было путемъ въ тогдашнемъ обществѣ было широко распространено. Лучшие люди тогдѣ времени, какъ изъ язычниковъ, такъ и изъ христіанъ осуществляли этотъ идеалъ въ жизни. Отреченіе отъ собственности высоко цѣнилось какъ киниками, такъ и новоплатониками ³⁾. Среди христіанъ и особенно клириковъ это было довольно обычнымъ дѣломъ. Религіозныя и нравственныя основанія такого отреченія усиливались еще политическимъ гнетомъ, производомъ властей, тяжестью повинностей. Эти условія дѣлали пользованіе состояніемъ крайне тяжелымъ и держали богатаго человѣка въ вѣчномъ трепетѣ

1) Ibid. Т. IX, стр. 522. Ср. IX, 416—417.

2) Ibid. Т. X, стр. 588—589.

3) Ibid. Т. I, стр. 69, 110—111.

за свою личность и имущество. Страницы сочиненій Златоуста, посвященныя раскрытію мысли о непрочности богатства и о безпокойствѣ богатыхъ, наглядно рисуютъ, насколько правильное положеніе гражданъ было шатко ¹⁾. Вотъ какъ Григорій Богословъ описываетъ тяжесть управленія болѣе или менѣе значительнымъ имуществомъ: „непрестанныя и тяжкія заботы, день и ночь свѣдая душу и тѣло, низводятъ меня съ неба къ матери моей землѣ. Во-первыхъ, управлять служителями—пойстигнѣ сѣтъ пагубы. Жестокихъ владыкъ они всегда ненавидятъ, богобоязненныхъ безстыдно попираютъ; къ злымъ не снисходительны, добрымъ не благопокорны, но на тѣхъ и другихъ дышатъ неразумнымъ гнѣвомъ. А сверхъ того, надо заботиться объ имуществѣ, всегда чувствовать на своихъ плечахъ тяжесть императора, переносить угрозы сборщика податей, потому что подать, возрастающая съ имѣніемъ, унижаетъ для людей цѣну самой свободы, а на устахъ лежатъ узы. Надо проводить время среди многочисленныхъ собраній, близъ высокихъ сѣдалищъ, съ которыхъ рѣшаются человѣческія распри, надобно выслушивать громкія возраженія противника или по закону терпѣть скорби въ запутанныхъ сѣтяхъ. Вотъ бремя, вотъ трудъ! А злые берутъ преимущество предъ добрыми; блюстители законовъ могутъ быть куплены тою и другой стороной. Необходимо или опророчить бѣжать и оставить все злымъ, или очернять свое сердце“ ²⁾. При такихъ условіяхъ бѣдность казалась истиннымъ благомъ: она давала свободу. Вотъ именно эти то чувства Златоустъ и старается вдохнуть бѣднякамъ.

Часто онъ рисуетъ идиллію бѣдности. Бѣдный имѣетъ все необходимое для жизни и наслаждается ею полнѣе, чѣмъ богатый. Всю жизнь онъ пьетъ чистую ключевую воду, которая пріятнѣй, полезнѣй и необходимѣй вина. Въ его распоряженіи огонь, воздухъ, свѣтъ солнца. Богатый и бѣдный наслаждаются этимъ въ равной мѣрѣ или даже бѣдный имѣетъ преимущество, благодаря тому, что чувства у него живѣе, зрѣніе острѣе, всѣ силы воспріятія совершеннѣе. Сонъ бѣднаго, послѣ трудовъ, гораздо крѣпче и пріятнѣе, чѣмъ сонъ богача, который мечется въ своей роскошной

¹⁾ Ibid. Т. IV, стр. 87. 290. V, 33. 250—251. 314. X, 362—364.

²⁾ Григорій Богословъ. Творенія, т. IV, стр. 232—233.

постелѣ всю безсонную ночь. Бѣдный употребляетъ простую пищу, но здоровый аппетитъ служить ему лучшей приправой ¹⁾. Главнымъ же преимуществомъ бѣдности служить нравственная свобода и независимость. Бѣдному нечего терять, „у богатаго же много поводовъ потерпѣть вредъ: онъ боится за домъ, за слугъ, за поля, за сокровища, какъ бы кто-нибудь не отнялъ у него чего-либо изъ этого. Кто владѣетъ многимъ, становится рабомъ многого. Напротивъ, бѣдный, какъ человѣкъ свободный и чуждый всѣхъ этихъ поводовъ, есть левъ, дышащій огнемъ, имѣетъ душу отважную и, отрѣшившись отъ всего, легко дѣлаетъ все, что можетъ принести пользу церквамъ, хотя бы нужно было обличить, хотя бы укорить, хотя бы потерпѣть множество бѣдствій для Христа; однажды пренебрегши настоящей жизни, онъ удобно и съ великою легкостью совершаетъ все“ ²⁾.

Вся эта вполне искренняя аргументація богатаго человѣка, на опытѣ убѣдившагося въ тяжести и стѣснительности большого состоянія и добровольно отдаващаго предпочтеніе бѣдности, быть можетъ, и не вполне была доступна чувству бѣдныхъ по необходимости. Поэтому практически важнѣе былъ другой рядъ мыслей, сообщавшій бѣдности смыслъ и нравственную цѣль. Для человѣка особенно горьки бывають тѣ страданія и несчастія, которыя представляются ему вполне безцѣльными, ни для кого не нужными, звучащими неумѣстнымъ диссонансомъ на жизненномъ пиру, тяжелыми для страдающаго и тягостными для окружающихъ его. Напротивъ, нравственная природа человѣка не только примиряется съ страданіями, полезными по крайней мѣрѣ для другихъ, но и черпаетъ въ нихъ высокое наслажденіе. Подвигъ самопожертвованія и высокое удовлетвореніе, связанное съ нимъ, возможенъ не только въ активной формѣ героизма, бросающагося въ опасность, не думая о себѣ, но и въ пассивной формѣ добровольнаго согласія на то тяжелое положеніе, въ которое ставитъ человѣка сама необходимость. Солдатъ не можетъ не итти въ сраженіе, и если онъ идетъ въ битву съ внутреннимъ протестомъ противъ силы, его принуждающей къ этому, то онъ—не болѣе, какъ трусливое

1) Ibid. Т. IV, стр. 827—840. Ср. III, 484.

2) Ibid. Т. III, стр. 197—198 ср. VII, стр. 600—604.

животное, которое ведутъ на убой. Но если внутренно онъ принимаетъ эту обязанность, если, онъ чувствуетъ въ своемъ сердцѣ готовность, ради блага родины, отдать свою жизнь, то дѣло необходимости онъ превращаетъ въ дѣло свободы, и его героизмъ становится вполне сознательнымъ и сладкимъ для него. Златоустъ указываетъ бѣднымъ цѣль и смыслъ ихъ страданій, открываетъ для нихъ возможность превратить бѣдность вынужденную въ добровольную и при томъ ради великой цѣли—спасенія своихъ братьевъ. Бѣдныхъ не должно смущать то, что они вынуждены жить подаяніемъ и причинять богатымъ непріятныя минуты своими просьбами, своимъ бѣдственнымъ существованіемъ, вызывающимъ на благотворительность. Они просятъ у богатаго не то, что принадлежитъ ему, а то, что принадлежитъ Богу, и что Богомъ ввѣрено богатому для раздачи имъ. Богатый не имѣетъ никакихъ основаній тяготиться подобными просьбами о помощи. „Онъ помогаетъ бѣдному, но подаетъ имъ не свое, а Господне, общее для всѣхъ подобныхъ ему рабовъ Господа“¹⁾. Съ другой стороны, въ церкви, этомъ прекрасномъ тѣлѣ, въ которомъ каждый членъ имѣетъ свое назначеніе, бѣдные имѣютъ великое призваніе. „Что ничтожнѣе просящихъ милостыню? Однако и они приносятъ въ церкви великую пользу, находясь постоянно при дверяхъ храма и составляя великое украшеніе, такъ что безъ нихъ не была бы совершенна полнота церкви“. „Не менѣе насъ, сидящихъ предъ народомъ и поучающихъ васъ, продолжаетъ проповѣдникъ, поучаетъ и нищій своимъ молчаніемъ и видомъ, сидя у дверей церковныхъ. Мы каждый день внушаемъ вамъ: не высокоумствуй, человѣкъ; скоротечно и непостоянно естество человеческое... Тоже самое и еще больше того внушаютъ и они своимъ видомъ и примѣромъ, и внушеніе ихъ есть самое ясное“²⁾. Милостыня умиляетъ Бога. „Если бы не было нищихъ, говоритъ Златоустъ, то ты не освободился бы отъ множества грѣховъ: они врачи твоихъ язвъ, ихъ руки предлагаютъ тебѣ лекарство... Ты далъ ему серебро,—и вмѣстѣ съ нимъ удалились твои грѣхи“³⁾. Нищіе видомъ своимъ

1) Ibid. Т. VIII, стр. 217.

2) Ibid. Т. X, стр. 302—303.

3) Ibid. Т. XI, стр. 719.

сильнѣе всякаго слова призываютъ насъ къ человѣколюбію. „Какъ въ преддверіяхъ молитвенныхъ домовъ обыкновенно устроятся умывальницы, чтобы идущіе молиться Богу сначала омыли руки и тогда простирали ихъ на молитву, такъ и бѣдныхъ отцы поставили предъ дверями подобно источникамъ и умывальницамъ, чтобы мы, какъ умываемъ руки водою, такъ, очистивъ напередъ душу человѣколюбіемъ, потомъ приступали къ молитвѣ“ 1).

Если бы нишій, проникнувшись сознаниемъ своей пользы и значенія въ церкви, принялъ добровольно свой жребій, какъ жертву за другихъ, то, конечно, онъ поднялся бы этимъ самымъ до нравственныхъ высотъ несравненнаго героизма.

В. Св. Іоаннъ Златоустъ жилъ въ обществѣ, которое было построено на рабовладѣльческихъ началахъ, и эти начала проникали собою весь общественный организмъ и отражались на нравственномъ строѣ личности. Не отрицая рабства въ принципѣ, святитель, слѣдуя ап. Павлу, вливаетъ христіанское содержаніе въ это учрежденіе.

Своимъ происхожденіемъ рабство обязано грѣху. Первоначально его не было. „Богъ, созидая человѣка, сотворилъ его не рабомъ, но свободнымъ. Онъ сотворилъ Адама и Еву, и оба они были свободны“ 2). Причиною возникновенія рабства былъ грѣхъ, а поводомъ непочтительность Хама къ опьянѣвшему отцу 3). Съ этого момента появилась роскошь и стремленіе пользоваться чужими трудами для личныхъ цѣлей. „До этого времени между людьми не было такой изнѣженности и такой роскоши, чтобы одинъ нуждался въ услуженіи другихъ, но каждый служилъ самъ себѣ, всѣ были въ равной чести, и не было никакого неравенства. А какъ явился грѣхъ, то и нарушилъ свободу и уничтожилъ достоинство, дарованное человѣку отъ природы“ 4). „Рабство произошло отъ любостыжанія, а также отъ зависти, отъ ненасытной алчности... Потомъ возникновенію рабства способствовали войны, сраженія, гдѣ стали брать плѣнныхъ“ 5).

Такимъ образомъ, рабство неестественно и по существу:

1) Ibid. Т. III, стр. 308.

2) Ibid. Т. I, стр. 849.

3) Ibid. Т. I, стр. 849—851; IV, 746; VI. 704.

4) Ibid. Т. IV, стр. 307.

5) Ibid. Т. XI, 194.

своему есть насиліе, которое алчность и прихоть одного дѣлаетъ по отношенію къ другому. Отсюда можетъ быть только одинъ выводъ,—что въ обществѣ, всецѣло проникнутомъ христіанскими началами и отрѣшившемся отъ противной Евангелію роскоши и алчности, рабовъ не должно быть. Однако прямо самъ проповѣдникъ этого вывода не дѣлаетъ, хотя уму его эта мысль несомнѣнно и предносилась. Говоря объ апостольской церкви въ Иерусалимѣ, онъ вскользь замѣчаетъ: „не говорю о рабахъ—ихъ тогда не было, быть можетъ, отпускали ихъ на волю“¹⁾. Иисусъ уже говоритъ проповѣдникъ объ ограниченіи рабства возможнымъ минимумомъ, при чемъ основаніемъ для этого служить недозволительность роскоши и христіанское человѣколюбіе. „Для чего имѣть множество слугъ? Какъ въ отношеніи къ одеждѣ и пищѣ надобно заботиться только о необходимомъ, такъ и въ отношеніи къ слугамъ. И какая въ нихъ нужда? Нѣтъ никакой. Одному господину надлежало бы имѣть только одного слугу или, лучше, двоимъ и троимъ господамъ одного слугу... Богъ для того далъ намъ руки и ноги, чтобы мы не имѣли нужды въ слугахъ; и не нужда ввела сословіе рабовъ,—иначе вмѣстѣ съ Адамомъ былъ бы сотворенъ и рабъ,—но это есть слѣдствіе грѣха и преслушанія. А Христосъ, пришедши, прекратилъ и это: о Христѣ Іисусѣ нѣсть рабъ, ни свободъ“. Характерно, что уже при первомъ упоминаніи объ одномъ слугѣ для нѣсколькихъ господъ, проповѣдникъ, вообще зорко слѣдившій за своей аудиторіей, замѣтилъ среди слушателей движеніе недовольства и тотчасъ же, отвѣчая на него, прибавилъ: „если это непріятно слушать, то вспомни о тѣхъ, которые не имѣютъ ни одного слуги“. Далѣе св. отецъ переходитъ къ другой мысли: „если ты собираешь множество слугъ, то дѣлаешь это не изъ человѣколюбія, а изъ роскоши; если бы ты заботился объ ихъ благѣ, то не заставлялъ бы никого изъ нихъ служить тебѣ, но, купивъ и научивъ ихъ ремесламъ, чтобы они могли продовать сами себя, отпустилъ бы ихъ на волю. Если же ты бичуешь ихъ, если налагаешь на нихъ оковы, то это уже не дѣло человѣколюбія“. Можно себѣ представить, до какой степени непріятно было слышать это рабовладѣльцамъ, и настроеніе окружаю-

¹⁾ Ibid. Т. IX, стр. 113.

щихъ тотчасъ же отразилось на проповѣди. Ораторъ рѣзко обрываетъ свою мысль довольно безнадежнымъ замѣчаніемъ: „знаю, что я говорю неприятное для слушателей, но что мнѣ дѣлать? На то я поставленъ, и не перестану это говорить, будетъ ли какая польза или нѣтъ“ ¹⁾).

Уничтоженіе рабства въ древнемъ мірѣ было историческою невозможностью, которую чувствовалъ всякій. Поэтому Златоустъ, подобно другимъ отцамъ церкви, не вступая въ борьбу съ самымъ учрежденіемъ, принимаетъ его какъ данное и наполняетъ христіанскимъ содержаніемъ. Съ своею проповѣдью онъ обращается къ рабамъ и свободнымъ, выясняя тѣмъ и другимъ ихъ взаимныя обязанности.

Господинъ долженъ помнить, что его рабъ—тоже человѣкъ, искупленный Христомъ. Ап. Павелъ не постыдился назвать раба сыномъ, утробою своею, братомъ и возлюбленнымъ. Не только Павелъ, но и Владыка Павла не стыдился называть рабовъ братьями своими. Поэтому и господинъ не долженъ презирать рабовъ, но долженъ имѣть общеніе съ ними во всемъ ²⁾).

Далѣе господинъ долженъ быть снисходителенъ къ рабамъ, прощать имъ проступки, не позволять себѣ обижать ихъ, не прибѣгать къ жестокимъ наказаніямъ. „Не думай, обращается Златоустъ къ рабовладѣльцу, что за обиду, причиняемую рабу, Богъ проститъ потому, что она причинена рабу. Внѣшніе законы, какъ законы человѣческіе, допускаютъ еще различіе по происхожденію, но законъ общаго Владыки не знаетъ никакого различія, такъ какъ онъ благодѣтельствуешь всѣмъ вообще и надѣляетъ всѣхъ однимъ и тѣмъ же“ ³⁾).

Златоустъ не отрицалъ тѣлеснаго наказанія, какъ не отрицала его и вся вообще древность, такъ какъ оно логически связано съ рабовладѣльческимъ строемъ общества. Человѣка, лишеннаго свободы и поставленнаго въ положеніе раба, можно удерживать въ повиновеніи только жестокостью тѣлесныхъ страданій, а рабство само по себѣ настолько унижало личность, что при немъ унижительность розги для наказывающаго и наказываемаго уже не ощущалась. Но допуская на-

1) Ibid. Т. X, стр. 421—422.

2) Ibid. Т. XI, стр. 896.

3) Ibid. Т. XI, стр. 194.

казанія рабовъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, проповѣдникъ указывалъ другіе способы ихъ исправленія. Воспитаніе и устраненіе поводовъ къ проступкамъ—вотъ средства воздѣйствія на рабовъ, которыя онъ рекомендуетъ. „Исправляй рабу, обращается онъ къ знатной дамѣ, не бичами только, но и ласкою, и добрымъ обращеніемъ... Если она склонна къ пьянству, отними у нея возможность пьянствовать, призови мужа, увѣщавай... Но что дѣлать, говорятъ, если она предается распутству? Выдай ее замужъ, пресѣки поводъ къ распутству, не позволяй развратничать. Но что если она воруетъ? Наблюдай и присматривай за ней. О, скажешь, что за претензіи? Мнѣ быть сторожемъ? Какое безуміе! Отчего, скажи, и не быть тебѣ ея сторожемъ? Развѣ у тебя не такая же душа, какъ и у ней? Развѣ она не удостоена тѣхъ же даровъ отъ Бога? Не къ одной ли она приступаетъ съ тобой трапезѣ? Что же, говоришь ты, если она бранчива, сварлива, склонна къ пьянству? А сколько есть такихъ и между свободными женами?“... Этотъ мудрый призывъ къ милосердію и справедливости, эта защита безправнаго и стоящаго внѣ закона потревожила совѣсть присутствующихъ. Свою рѣчь проповѣдникъ прерываетъ словами: „что вы всѣ такъ покраснѣли? У насъ рѣчь не о всѣхъ, но только о тѣхъ, которыя предаются такой звѣрской жестокости“¹⁾. Но не на словахъ только защищалъ святитель рабовъ отъ жестокаго обращенія господъ. Онъ запретилъ служеніе своему діакону за то, что тотъ билъ своего раба, мальчика Евлалія. Обида несчастнаго ребенка отозвалась праведнымъ негодованіемъ въ сердцѣ перваго святителя восточной церкви, и никому невужное, для всѣхъ чужое дитя нашло защиту въ служителѣ Евангелія! По тогдашнимъ понятіямъ, общественнымъ отношеніямъ и правовому сознанію это было дѣло необычайное. Фактъ этотъ приводится въ длинномъ спискѣ обвиненій противъ Златоуста на соборѣ, осудившемъ его.

Наконецъ, если рабы служатъ господамъ, то и господа должны служить своимъ рабамъ. Подъ словомъ „такъ же“ въ 9 ст. посланія ап. Павла къ Ефесянамъ (и вы, господа, поступайте съ ними *такъ же*) Златоустъ разумѣетъ полное повтореніе того, что сказано апостоломъ въ обращеніи къ

1) Ibid. XI, стр. 134—135.

рабамъ: господа должны служить рабамъ не какъ человѣко угодники, но со страхомъ и трепетомъ ¹⁾. Это служеніе состоитъ въ содержаніи рабовъ и ихъ христіанскомъ воспитаніи. „Ты приобрѣлъ, купилъ раба? говоритъ Златоустъ, приказывай ему прежде всего жить по волѣ Божіей, чтобы онъ былъ кротокъ въ отношеніи къ своимъ товарищамъ, чтобы особенно заботился о добродѣтели. Домъ каждаго есть какъ бы городъ, и каждый хозяинъ есть начальникъ надъ собственнымъ домомъ“ ²⁾. Идеаломъ добраго отношенія къ рабамъ служить Авраамъ: онъ имѣлъ рабовъ, „но извѣстно, что онъ обращался съ ними не такъ, какъ съ рабами“ ³⁾.

Ученіе Златоуста объ обязанностяхъ рабовъ имѣеть цѣлью возвысить ихъ нравственное достоинство и внутренно освободить ихъ отъ тиранніи человѣка. Христіанинъ, по апостолу, купленъ дорогою цѣною и не долженъ быть рабомъ человѣка ⁴⁾. Это имѣеть одинаковую силу какъ по отношенію къ свободному, такъ и по отношенію къ рабу. Послѣдній не долженъ стремиться къ тому, чтобы получить свободу отъ внѣшняго принужденія, но долженъ освободить себя внутренно и перестать быть человѣкоугодникомъ, рабомъ человѣка. Для этого онъ долженъ стать рабомъ Бога, господиномъ надъ собою поставить волю Божію, а своему работодителю повиноваться лишь постольку, поскольку это соотвѣтствуетъ волѣ Божіей. Такимъ образомъ дѣло необходимости рабъ превращаетъ въ свой свободный подвигъ. Христосъ заповѣдалъ терпѣть обиды. Ударившему въ ланиту онъ повелѣлъ обратить другую, взявшему верхнюю одежду отдать и нижнюю. Терпѣть обиды и не сопротивляться причиняемому насилію заповѣдалъ всѣмъ христіанамъ безъ различія. Но свободный можетъ и не испытать такихъ обидъ и насилій, рабъ же по самому существу рабства есть непремѣнно обиженный. Увлеченіе

1) „И господіе, говоритъ, таяжде творите къ нимъ. Что такое—таяжде? Благосклонно служите. Хотя апостоль не сказалъ: „служите“, но словомъ: „таяжде“ онъ выразилъ эту мысль, потому что и господияъ служить. Не яко человѣкоугодницы, говорить, со страхомъ и трешомъ т. е. с) страхомъ Божіимъ, опасаясь, какъ бы когда-нибудь онъ не осудилъ насъ за нерадѣніе о рабахъ“ Ibid, XI, 193.

2) Ibid, XI, стр. 194—195.

3) Ibid.

4) 1 Кор. VII, 23.

роскошью и алчность господина лишила его самого дорогого—свободы. Но именно потому-то онъ и стоитъ въ особенно благоприятныхъ условіяхъ по отношенію къ Евангелію. Воспользовавшись своимъ несчастіемъ и добровольно рѣшившись не только исполнять то, что отъ него требуетъ насильникъ, но еще гораздо больше, онъ осуществитъ въ своей жизни нагорную проповѣдь Господа. Пусть рабъ служить господину не на глазахъ только его, не по страху наказанія, но какъ самому Богу со всевозможнымъ усердіемъ, отъ всей души, по совѣсти. Пусть онъ сдѣлаетъ больше, чѣмъ отъ него желаетъ получить несправедливо овладѣвшій имъ, и это будетъ равносильно обращенію лѣвой ланиты ударившему въ правую. Потому то апостолъ и совѣтуетъ рабамъ, для которыхъ есть возможность получить свободу, не стремиться къ этому, а наоборотъ, еще больше поработить себя, ибо оставаясь въ рабствѣ, они удобнѣе другихъ могутъ осуществить евангельскую проповѣдь о непротивленіи насиліямъ¹⁾.

Но примиряясь съ рабствомъ, христіанинъ имѣетъ въ виду угодить не хозяину, а Богу.²⁾ Поэтому не всякому насилію

¹⁾ *ibid.* Т. X, стр. 182—183.

²⁾ „Если свободнымъ повелѣваю повиноваться другъ другу, говоритъ апостолъ, ради страха Божія, какъ выше сказано: повинующеся другъ другу въ страхъ Божій, если жеяѣ приказываю бояться своего мужа, хотя она имѣетъ равную съ нимъ честь, то тѣмъ болѣе слугѣ. Въ этомъ нѣтъ безчестія—умѣй унижаться, вести себя скромно, уступать ближнему. И свободные служили свободнымъ съ большимъ страхомъ и трепетомъ... Покажи, что ты служишь какъ рабъ Христовъ, а не какъ рабъ челоуѣка; сдѣлай такъ, чтобы твои служебныя занятія были у тебя добродѣтельно, а не слѣдствіемъ необходимости. Какъ того, кто терпитъ обиды отъ другого, Христосъ убѣждаетъ и научаетъ принимать обиду, какъ благо для себя, и терпѣть ее по собственному изволенію, точно также и рабовъ учить апостолъ. Ударившій въ ланиту рѣшился на такой поступокъ не по мыслямъ того, кого онъ ударилъ, а по собственной злобѣ,—и однако что же сказано? *Обрати ему и другую* (Мк. V, 37), чтобы ты могъ показать, что ѣ первая не противъ воли твоей подставлена. Рѣшившійся потерпѣть лшній разъ ударъ обратилъ и то, что было не его дѣломъ, въ свое дѣло, когда далъ поразить и другую ланиту, а не ограничился однимъ перенесеніемъ обиды: послѣднее, пожалуй, можно счесть за слѣдствіе страха, но въ первомъ много любуудрія. Итакъ ты покажалъ бы тогда, что перенесъ это ради любуудрія. Такъ и теперь ты покажи, что несешь это рабство добровольно, а не какъ челоуѣкоугодникъ. Челоуѣкоугодникъ—не рабъ Христовъ, а рабъ Христовъ—не челоуѣкоугодникъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ будучи рабомъ Божиимъ, захочетъ угождать челоуѣкамъ? Напротивъ, кто, угождая челоуѣкамъ, можетъ быть рабомъ

онъ долженъ подчиняться. Свои личныя обиды онъ долженъ терпѣть. Но ему не слѣдуетъ исполнять приказаній, противныхъ волѣ Божіей, ибо онъ рабъ не хозяина, а Бога. Не человѣку онъ угождаетъ, а Богу. Поэтому обратною стороною добровольнаго подчиненія требованіямъ господина служить обязанность сопротивленія, которую налагаетъ на раба Евангеліе... „Когда господинъ, говоритъ Златоустъ, не требуетъ ничего противнаго волѣ Божіей, тогда должно повиноваться ему и покаряться, а простираяться далѣе не должно: такъ рабъ остается свободнымъ! Если же ты простираешься далѣе, то дѣлаешься рабомъ“... „Не дѣлайтесь рабами человѣковъ т.-е. не повинуйтесь людямъ, когда они повелѣваютъ что-нибудь постыдное“¹⁾.

Іосифъ осуществилъ въ своемъ лицѣ идеаль раба. Онъ добровольно и по совѣсти служилъ своему господину и этимъ приобрѣлъ его расположеніе, но когда госпожа влекла его ко грѣху, онъ отказался подчиниться ея требованію ²⁾.

Такимъ образомъ, св. Іоаннъ Златоустъ призываетъ рабовъ не къ пассивному повиновенію господамъ безъ всякихъ разсужденій. Онъ имѣетъ въ виду создать въ душѣ раба состояніе величайшей активности и этимъ возвысить его нравственно. Если представить себѣ этотъ идеаль осуществленнымъ, то въ лицѣ такого раба мы, дѣйствительно, имѣли бы примѣръ несравненнаго нравственнаго героизма, моральная цѣнность котораго перевѣсила бы безконечно унижительность внѣшняго положенія. Чувствуя себя служителемъ

Божіимъ?.. Если будешь служить по доброй волѣ, съ благоразуміемъ, отъ души, ради Христа,—то ты не рабъ. Также рабство несетъ и Павелъ человѣкъ свободный, когда говоритъ: мы рабы ваши для Іисуса (2 Кор. IV, 5). Видишь ли, какъ у твоего рабства отнимается безчестіе? Подобно тому, какъ если бы какойнибудь человѣкъ, послѣ того, какъ у него отняты деньги прибавилъ бы еще отъ себя своему похитителю, не можетъ почитаться обнищавшимъ, но достаточнымъ, не можетъ быть причисленъ къ потерѣвшимъ зло, но къ дѣлающимъ добро, и такимъ благодѣяніемъ онъ покрылъ бы своего грабителя еще большимъ позоромъ, нежели какой онъ навлекъ на себя своимъ грабительствомъ,—такъ точно въ настоящемъ случаѣ: если рабъ въ самыхъ изнурительныхъ трудахъ ведетъ себя великодушно, показывая, что онъ не чувствуетъ насилія, то отъ этого большій стыдъ для его господина* Ibid. XI, стр. 192—193.

¹⁾ Ibid. Т. X, 184. 185.

²⁾ Ibid. Т. X, стр. 183—186 ср. XI, стр. 856—867.

Бога, такой рабъ былъ бы свободенъ отъ самаго горькаго въ рабствѣ—отъ чувства принужденія, такъ какъ внутренно въ каждый моментъ своей жизни—и противясь господину и подчиняясь ему—сознавалъ бы себя совершенно свободнымъ. Но идеаль этотъ слишкомъ высокъ, чтобы могъ быть исполнимъ не въ видѣ исключенія. Онъ предполагаетъ необыкновенную полноту и интенсивность духовной жизни, которая съ трудомъ можетъ развиваться въ условіяхъ рабства. Затѣмъ высота и, такъ сказать, тонкость ученія Златоуста имѣютъ то неудобство, что легко могли сдѣлать его непонятнымъ для послѣдующихъ проповѣдниковъ и превратить благовѣстіе нравственной свободы въ призывъ къ пассивному повиновенію.

Выяснивши ученіе св. Іоанна Златоуста о власти, богатствѣ и бѣдности, рабахъ и свободныхъ, мы считаемъ не лишнимъ въ качествѣ обобщенія отмѣтить теперь его характеристическія особенности. Точка зрѣнія святителя на социальные неравенства исключительно религіозно-нравственная. Ни злоупотребленія власти, ни бѣдность, ни насильственное лишеніе свободы не являются въ его глазахъ бѣдствіями общества, развращающими его. Это—не болѣе, какъ безразличное, способное породить какъ добродѣтель, такъ и порокъ въ зависимости отъ отношенія къ нимъ моральной воли индивидуума. Личность при всякихъ обстоятельствахъ можетъ быть добродѣтельной и подняться до высочайшей степени нравственнаго достоинства. Такой взглядъ основывается на признаніи безусловной свободы воли, или, вѣрнѣе, точкою отправленія для него служить абстрактная возможность для человѣка, независимо отъ внѣшнихъ условій, достигнуть какой угодно степени нравственнаго развитія. Но абстрактная возможность не всегда совпадаетъ съ реальною возможностью. Разсуждая *in abstracto*, мы можемъ сказать, что всякій бѣднякъ можетъ стать такимъ же добродѣтельнымъ, какимъ Златоустъ рисуетъ евангельскаго Лазаря, а всякій рабъ такимъ, какимъ изображенъ въ его бесѣдахъ Іосифъ прекрасный. Но допуская это, мы дѣлаемъ въ глубинѣ нашего сознанія какъ бы мысленную оговорку: если при неблагоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ находится на лицо вся совокупность необходимыхъ нравственныхъ условій. Каждый отдѣльный бѣднякъ

и рабъ могутъ стать героями духа, если имѣють достаточное умственное развитіе, если о нихъ позаботится высокоодаренный руководитель, если имъ доступенъ источникъ нравственнаго освѣженія, если ихъ окружають прекрасныя примѣры и благотворныя вліянія. Если все это въ избыткѣ предоставлено имъ, то бѣдность и рабство не помѣшаютъ ихъ побѣдоносному шествію къ идеалу личной святости. Но, по большей части, внѣшнія условія—бѣдность, зависимое положеніе,—сами по себѣ, дѣйствительно, безразличныя въ моральность отношеніи, устраняють человѣка отъ нравственныхъ вліяній. Угнетающая бѣдность и жестокое рабство, если они овладѣвають еще не развившимся и не опредѣлившимся человѣкомъ, до какой степени подавляютъ его физическимъ трудомъ и до такой степени удаляютъ его отъ всякихъ нравственныхъ вліяній, что высокое духовное развитіе въ этихъ условіяхъ является чудомъ и рѣдкимъ исключеніемъ. Вотъ почему абстрактная возможность не превращается обыкновенно въ реальную дѣйствительность, и мы видимъ, что въ общемъ бѣдность и рабство не способствуютъ развитію добродѣтели... „Вездѣ признается, говоритъ въ одномъ мѣстѣ и самъ Златоустъ, что рабы вообще грубы, необразованны, упрямы, очень не воспримчивы къ наставленіямъ въ добродѣтели,—не отъ природы, нѣтъ, но отъ обращенія и нерадѣнія объ нихъ господь ихъ, такъ какъ вездѣ владѣющіе ими не заботятся ни о чемъ другомъ, какъ только объ ихъ службѣ, а если иногда заботятся и объ ихъ нравахъ, то дѣлають это также для собственнаго спокойствія, чтобы не ввѣрять дѣлъ своихъ людямъ распутнымъ, ворами или пьяницами. Естественное, что они, будучи оставлены безъ всякаго попеченія и не имѣя никого, кто бы позаботился объ нихъ, погружаются въ самую бездну зла. Въдъ если даже тамъ, гдѣ наблюдаютъ и отецъ, и мать, и пріставникъ, и воспитатель, и учитель, и сверстники, гдѣ возвышаетъ человѣка сознаніе своего благороднаго происхожденія и многое другое, если и тамъ рѣдко кто избѣгаетъ сообщества съ людьми порочными,—то что думать о тѣхъ, которые лишены всего этого, которые соприкасаются съ людьми развратными, безъ всякой осторожности обращаются съ кѣмъ захотятъ и не имѣють никого, кто бы позаботился объ ихъ знакомствахъ? Подумай, что будетъ съ таки-

ми? Вотъ отчего трудно рабу быть добродѣтельнымъ“¹⁾. Но приведенное мѣсто въ сочиненіяхъ св. Іоанна Златоуста является исключительнымъ. Въ общемъ въ нихъ преобладаетъ высокая оцѣнка нравственной свободы и самоопредѣленія.

Второй отличительной чертой ученія святителя служитъ извѣстнаго рода индивидуализмъ во взглядѣ на человѣческое общество. Имѣя въ виду достигнуть социальныхъ результатовъ и сгладить неравенство классовъ, онъ обращается все же къ индивидууму и чрезъ него исключительно стремится обновить общество. Хотя онъ и сравниваетъ иногда церковь съ организмомъ, въ которомъ каждый членъ имѣетъ свое назначеніе и необходимъ для цѣлаго, однако эта аналогія въ его сознаніи не связана съ тою полнотою содержанія, которая характеризуетъ современныя ученія объ обществѣ. Каждая личность для него—это совершенно отдѣльный атомъ. Ея нравственное развитіе не зависитъ отъ вліяній, исходящихъ отъ общества, какъ цѣлаго. Съ другой стороны, состояніе общества есть не болѣе какъ сумма того, что дано въ каждомъ индивидуумѣ. Совмѣстная дѣятельность послѣднихъ не создаетъ никакихъ перемѣнъ въ самомъ строѣ социального организма. Вслѣдствіе этого каждая личность начинаетъ свое развитіе сначала. Златоустъ ставитъ своею задачею не развитіе общества, а нравственное преуспѣяніе членовъ его. Свою мысль мы пояснимъ слѣдующей аналогіей. Въ развитіи личности громадное значеніе имѣетъ привычка. Безъ нея мы не могли бы двинуться впередъ ни въ одной области. Сначала всякое сознательное дѣйствіе поглощаетъ всю нашу внутреннюю энергію, потомъ, становясь привычнымъ, совершается автоматически, а силы, которыя сначала тратились на него, освобождаются для новой дѣятельности. Когда мы учимся писать, то все наше вниманіе сосредоточивается на мускульной работѣ, а когда процессъ писанія станетъ механическимъ, мы получаемъ возможность одновременно и писать и мыслить. То же и въ моральной области. Всякая хорошая привычка, созданная свободно, освобождаетъ нравственныя силы для новыхъ задачъ. Что въ нравственномъ развитіи личности привычка, то въ развитіи общества право. Всякая достигну-

¹⁾ Ibid. Т. XI, стр. 864.

тая ступень нравственнаго сознанія, будучи закрѣплена въ правѣ, становится прочнымъ приобрѣтеніемъ общества, а освободившіяся силы идутъ далѣе и влекутъ его на высшую ступень. Но этотъ идеаль развивающагося общества совершенно чуждъ твореніямъ св. Іоанна Златоуста.

Наконецъ, какъ проповѣдникъ религіозно-нравственныхъ началъ, вселенскій учитель обращается къ совѣсти отдѣльной личности и даетъ ей только основные руководящіе принципы, предоставляя прочее свободной инициативѣ. Онъ говоритъ власти, что она должна заботиться о благѣ народа и не пользоваться своимъ положеніемъ въ корыстныхъ цѣляхъ. Богатымъ онъ проповѣдуетъ, что они не должны приобрѣтать состояніе путемъ нарушенія права другихъ, и что изъ приобрѣтеннаго имущества они могутъ удерживать для себя лишь на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей. Рабовладѣльцевъ онъ увѣщаетъ не наказывать рабовъ напрасно и не обращаться съ ними жестоко. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ къ услугамъ страсти является софистика, раздвигающая область дозволеннаго до весьма широкихъ предѣловъ.

Всѣ эти три черты, составляя особенность ученія Златоуста въ сравненіи съ принципами современной этики, не выдѣляютъ его изъ ряда прочихъ этическихъ ученій древности. Онъ свойственны всей вообще древней этикѣ, но ихъ необходимо имѣть въ виду, чтобы отвѣтить на вопросъ, чего же достигъ вселенскій учитель своею самоотверженною дѣятельностью и своимъ горячимъ словомъ.

Въ развитіи общества какъ цѣлаго онъ не оставилъ замѣтнаго слѣда. Константинополь и Антіохія по всему строю жизни, по своему быту, остались послѣ него тѣмъ же, чѣмъ были до него. Евангельскій идеаль, который проповѣдывалъ святитель, не сталъ общественною силой. Напротивъ, проповѣдь его возбудила ожесточенную реакцію въ обществѣ, поставила противъ него всѣ имущіе и вліятельные классы и необходимо должна была повести къ его паденію даже въ ту эпоху, когда церковь была гораздо свободнѣе чѣмъ теперь. Но вліяніе святителя на индивидуальную жизнь вѣрующихъ было громаднo. Трудно и вообразить, сколько отдѣльныхъ религіозно-нравственныхъ актовъ совершено подъ впечатлѣніемъ его проповѣдей, сколько христіанскихъ ха-

ракторовъ сформировалось, благодаря воспитательному воздействию его сочиненій. Св. Іоаннъ Златоустъ былъ руководителемъ совѣсти не только въ Антиохіи и Константинополѣ. Благодаря огромному литературному наслѣдію, завѣщанному имъ церкви, благодаря ясности и жизненности своихъ бесѣдъ, онъ поистинѣ сталъ вселенскимъ учителемъ. Въ частности русскій народъ, воспитавшійся на твореніяхъ святителя, ему именно болѣе, чѣмъ кому-либо другому, обязанъ самыми свѣтлыми, самыми гуманными чертами своего національнаго благочестія. Изучающіе древне-русскую литературу знаютъ, какой глубокой слѣдъ оставилъ Златоустъ въ религиозныхъ понятіяхъ и бытѣ древней Руси. Если мы примемъ во вниманіе широту и продолжительность вліянія твореній цареградскаго святителя на христіанскіе народы, то значеніе его въ исторіи церкви предстанетъ предъ нашимъ духовнымъ взоромъ во всемъ своемъ величій. Проповѣдникъ евангельской любви, онъ является однимъ изъ самыхъ великихъ благодѣтелей человѣчества. Онъ не уничтожилъ бѣдности, но подумайте, читатель, сколько милліардовъ переложилъ онъ изъ туго завязанной мошны богачей въ карманы бѣдныхъ своей полуторатысячелѣтной проповѣдью о милостынѣ...

Обыкновенно говорятъ: скажи мнѣ, кто твои друзья, и я скажу, кто ты. Съ не меньшимъ правомъ можно судить о человѣкѣ, зная, кто его враги. По большей части вражду создаютъ не частныя столкновенія—они служатъ только поводомъ,—а различіе моральныхъ типовъ. Характеръ открытый, мужественный, способный самоотверженно защищать дѣло справедливости оскорбляетъ самымъ своимъ существованіемъ лукаваго, трусливаго и злого эгоиста. Вотъ почему естественнымъ дополненіемъ настоящаго очерка должна быть краткая характеристика враговъ великаго святителя.

Первыми врагами св. Іоанна Златоуста были его подчиненные. Мы уже говорили о порокахъ константинопольскаго клира, съ которыми святитель началъ борьбу тотчасъ по вступленіи на столичный престолъ. Это не могло нравиться духовенству особенно послѣ снисходительнаго Нектарія. Введеніе ночныхъ богослуженій, лишившее клириковъ привычнаго покоя, могло только усиливать ихъ недовольство. Мѣры, принятія противъ бродячихъ монаховъ, и обличенія, направленные противъ нихъ, возбуждали нена-

висть къ епископу и среди мнимыхъ подвижниковъ благочестія. „По этимъ причинамъ негодовали на него клирики, говорить Созоменъ, и многіе изъ монаховъ, и называли его тяжелымъ, гордымъ, жестокимъ и высокомернымъ“ ¹⁾. Изъ клира открытыми врагами святителя были два пресвитера и пять діаконовъ ²⁾. Діаконъ Іоаннъ и монахъ Исаакъ выступали обвинителями на соборѣ при Дубѣ. На раздраженіе клира указываетъ далѣе и характеръ самыхъ обвиненій. Обвинители жаловались, что святитель отлучилъ діакона Іоанна за то, что тотъ билъ своего раба, что онъ приказалъ бить и связать какъ бѣсноватаго монаха Іоанна, поносилъ клириковъ, написалъ книгу, оскорбительную для клира, предъ собраніемъ всего духовенства обвинялъ двухъ діаконовъ въ томъ, что они украли его омофоръ, выдалъ Евтропію для изгнанія пресвитеровъ Порфирія и Веренія, жестоко обращался съ монахомъ Исаакомъ ³⁾.

Скоро къ недовольству клириковъ присоединилась ненависть богатыхъ. Человѣкъ становится неумолимъ, когда дѣло касается его кармана, а мы видѣли, съ какою рѣшительностью святитель защищалъ бѣдныхъ и обличалъ богатыхъ. Производимое имъ впечатлѣніе на слушателей очень мѣтко характеризуетъ Созоменъ: „своимъ словомъ восторгалъ онъ народъ, особенно когда распространялся въ обличеніи согрѣшающихъ и съ дерзновеніемъ негодовалъ на оскорбителей церкви, либо на обидчика такъ, какъ бы самъ терпѣлъ обиду. Простому народу это, конечно, нравилось, но богатымъ и сильнымъ должно было казаться оскорбительнымъ“ ⁴⁾. Но и изъ самыхъ бесѣдъ проповѣдника видно, насколько неприятны они были для богатыхъ. Мы уже говорили, что святитель вынужденъ былъ прервать свою рѣчь о несомѣстности христіанской любви и обладанія рабами ⁵⁾. Въ другой разъ, сравнивъ тѣло богатаго съ печью, въ которой горитъ мясо, проповѣдникъ хотѣлъ продолжить развитіе своей мысли и прибавилъ: „съ чѣмъ бы еще сравнить утробы

1) Созоменъ. Церковная Исторія кн. VIII, 9 ср. VIII, 8 Сократъ. Церк. Ист. VI, 4.

2) Palladius, Dialogus p. 14.

3) Ludwig. Op. cit S. 88—90.

4) Церк. Ист. VIII, 2 ср. VIII, 8.

5) Златоустъ. Творенія, т. X, стр. 421.

богатыхъ?“ Но для богатыхъ было крайне неприятно и первое сравненіе. Среди нихъ возникло движеніе недовольства. Въ отвѣтъ на него Златоустъ говоритъ: „а вы не оскорбляйтесь моими словами, но, если говорю неправду, изобличайте меня. Итакъ, съ чѣмъ же еще сравнить бы ихъ?“ ¹⁾ Во многихъ бесѣдахъ святитель и прямо говоритъ о недовольствѣ богатыхъ. Вотъ два примѣра. „Многіе обвиняли насъ и говорили: перестанешь ли ты вооружаться языкомъ противъ богатыхъ? Перестанешь ли постоянно враждовать противъ нихъ?“ ²⁾ „Опять, скажутъ мнѣ, ты противъ богатыхъ? А вы опять противъ бѣдныхъ. Опять ты противъ хищниковъ? А вы опять противъ тѣхъ, у кого похищаютъ. Вы не насыщаетесь, пожирая и терзая бѣдныхъ, и я не насыщаюсь, исправляя васъ. Постоянно ты покровительствуешь этимъ людямъ, постоянно покровительствуешь бѣдному? Но отступи ты стъ овцы моей, удались отъ стада моего, не вреди ему. Ты вредишь моему стаду и осуждаешь, что я отгоняю тебя.“ ³⁾ Во главѣ недовольныхъ стояли три придворныхъ дамы: Марса, вдова военачальника Промота, бывшаго опекуна императрицы, Кастриція, вдова Сатурнина, и Евграфія, старая кокетка, являвшаяся въ церковь вся завитая и подкрашенная. Эти богатя вдовы имѣли двойное основаніе ненавидѣть святителя, потому что онъ обличалъ не только ихъ жадность, хищничество, роскошь, но и страсть къ нарядамъ, а Евграфіи въ частной бесѣдѣ пастыръ далъ понять, что ея старанія скрыть свои года напрасны. Императрица Евдоксія не превосходила своихъ придворныхъ дамъ ни честностью, ни благопристойностью поведенія. Поэтому обличенія, въ которыхъ послѣнія узнавали ⁴⁾ самихъ себя, косвенно задѣвали и императрицу, тѣмъ болѣе что содержаніе бесѣдъ святителя передавалось ей въ извращенномъ видѣ.

Но въ эпоху Златоуста церковь имѣла свои права. Нельзя было удалить епископа съ кафедры административнымъ по-

1) Ibid. Т. X, стр. 589.

2) Ibid. Т. III, стр. 431.

3) Ibid. Т. V, стр. 565, ср. т. X, стр. 304.

4) Златоустъ не указывалъ на лица: „не желай чужого, не обирай вдовицы, не похищай у сироты, не овладѣвай ихъ домомъ. Я говорю не о лицахъ, а о дѣлахъ. Если же кого укоряетъ совѣсть, то онъ самъ виновать, а не мое слово“ Ibid. т. III, 414.

рядкомъ, безъ суда собора, хотя бы онъ и не пользовался расположеніемъ императора. Поэтому, для низложенія Златоуста императрицѣ необходимы были орудія въ лицѣ епископовъ. Ихъ не трудно было подобрать. Отсутствие строгихъ юридическихъ нормъ касательно порядка созывы и состава собора, чѣмъ такъ восхищаются нѣкоторые современные епископы, открывало для этого полную возможность. Соборъ при Дубѣ былъ составленъ изъ враговъ Златоуста, которые были его судьями, обвинителями и свидѣтелями. Въ одномъ изъ своихъ писемъ святитель сказалъ: „никого я такъ не боюсь, какъ епископовъ, за исключеніемъ немногихъ“¹⁾. И дѣйствительно, самыми ожесточенными врагами святителя были епископы: Акакій верійскій, Антіохъ птолемайдскій, Северіанъ гавальскій и Теофилъ александрійскій. Изъ нихъ Акакій верійскій, за исключеніемъ участія въ позорномъ дѣтѣ низложенія Златоуста, былъ самымъ почтеннымъ. О немъ рассказываютъ много хорошаго. Воспитавшись въ монастырѣ, онъ велъ строгій образъ жизни и на епископской кафедрѣ. Между прочимъ двери его жилища всегда были открыты. Всякій желающій могъ войти въ его домъ и видѣть его и во время обѣда и въ часы сна. „Значить, добавляетъ Созомень, онъ или такъ жилъ, что всегда былъ увѣренъ въ самомъ себѣ, или придумалъ это съ намѣреніемъ противодѣйствовать склонности нашей природы ко злу, ибо ожидая, что приходящіе всегда могутъ застать его врасплохъ, онъ былъ безпрестанно на стражѣ и ни въ чемъ не отступалъ отъ своего долга“²⁾. Причина вражды этого человѣка къ Златоусту не ясна. Палладій объясняетъ возникновеніе ея тѣмъ, что Акакій былъ оскорбленъ слишкомъ простымъ обѣдомъ, предложеннымъ ему святителемъ. Предметомъ для одного изъ обвиненій противъ послѣдняго на соборѣ при Дубѣ служило высокомерное обращеніе съ Акакіемъ. Если дѣйствительно Акакій не могъ простить Златоусту простоту, съ которой онъ имъ былъ принятъ, то это свидѣтельствуетъ о низменности характера верійскаго аскета, которая легко можетъ уживаться съ вѣщшею корректностью поведенія.

Антіохъ птолемайдскій (въ Финикии) и Северіанъ гавальскій

1) *ibid* Т. III, стр. 643.

2) Созомень, Церк. Ист. кн. VI, 28.

(въ Сиріи) воскрешали въ своемъ лицѣ типъ языческихъ страстующихъ софистовъ, искавшихъ славы и денегъ въ большихъ культурныхъ центрахъ римской имперіи. Оба христіанскіе епископы отличались краснорѣчіемъ, но Антіохъ превосходилъ Северіана своею дикціей, а послѣдній Антіоха ученостью, обиліемъ мыслей и знаніемъ свящ. Писанія: въ произношеніи Северіана слышался сирійскій акцентъ, непріятный для избалованной публики столицы. Первымъ посѣтилъ Константинополь Антіохъ, имѣлъ здѣсь большой успѣхъ и собралъ множество денегъ. Возвратившись домой, онъ успѣшилъ однако составить особое сочиненіе Противъ корыстолюбія. Столь дешево купленные лавры побудили и Северіана попытать счастья. Послѣ продолжительныхъ упражненій въ реторикѣ, приготовивъ большой запасъ проповѣдей, онъ явился на эти своеобразныя гастроли въ столицу, вкрался здѣсь въ довѣріе св. Іоанна и свискалъ себѣ популярность среди народа и при дворѣ. Уѣзжая въ Ефесъ, архипастырь поручилъ ему управление своею кафедрой. Но Северіанъ злоупотребилъ его довѣріемъ, и дѣйствовалъ въ ущербъ ему не безъ тайныхъ расчетовъ занять его кафедру. Отсюда между нимъ и Златоустомъ возникли непріятности ¹⁾.

Но изъ четырехъ епископовъ самую рельефною фигурой былъ Теофилъ Александрійскій, представлявшій по своему характеру прямую противоположность Златоусту. Подробная характеристика этого хитраго интригана потребовала бы отъ насъ слишкомъ много мѣста и слишкомъ удлинила бы настоящій очеркъ. Поэтому мы намѣтимъ лишь въ общихъ чертахъ отличительныя особенности его личности.

Хитрый, корыстный и мстительный, Теофилъ весьма цѣнилъ расположеніе гражданской власти и не останавливался ни предъ чѣмъ, чтобы свискать его. „Когда царь Θεодосій, рассказываетъ Сократъ, велъ войну противъ тиранна Максима, Теофилъ, посылая дары царю черезъ своего пресвитера Исидора, вручилъ ему два письма и приказалъ дары и письмо поднести побѣдителю. Повинуясь ему, Исидоръ прибылъ въ Римъ и ожидалъ конца войны, но это дѣло не надолго оставалось въ неизвѣстности; бывшій при немъ чтець похитилъ

¹⁾ Сократъ. Церк. Ист. кн. VI, 11, Созоменъ. Церк. Ист. кн. VIII, 10.

упомянутыя письма. Исидоръ пораженъ былъ страхомъ и тотчасъ убѣжалъ въ Александрію“ ¹⁾.

Св. Іоаннъ Златоустъ былъ противникомъ насильственныхъ мѣръ въ дѣлѣ религіи. Совсѣмъ другіе взгляды господствовали въ Александріи. „Когда оскорбленъ Богъ въ Его почитаніи, говоритъ преемникъ Теофила по кафедрѣ, тогда быть милосерднымъ не безопасно; и даже весьма вредно—не вовремя развѣживаться въ слабодушномъ взаимномъ благо-расположеніи. Объ этомъ то я думаю и сказалъ Господь: „кто любитъ отца или мать больше Меня, не достоинъ Меня“. Пусть тогда исчезнетъ законъ сочувствія и удалится сила естественной любви и все, что относится къ человѣколюбію, чтобы, такъ сказать, посредствомъ благочестивой жестокости воздано было почитаніе Богу. Не благочестивымъ ли назовешь ты дѣломъ, чтобы немилосердно наказывались совершающіе неизвинительное отступничество, какъ оскорбляющіе высшую надъ всѣмъ славу и не отказывающіеся беззаботно безчестить Того, Котораго лучше было бы радовать стараніями о твердости“ ²⁾. Теоріи этой давно уже предшествовала практика. Кровавыя столкновенія религіозныхъ партій начались еще при Аевасіи Великомъ. Впослѣдствіи стало еще хуже. По просьбѣ Теофила, имп. Θεодосій разрѣшилъ ему обратитъ храмъ Діониса въ христіанскую церковь. Теофиль не удовлетворился этимъ, но, желая предать язычество публичному посмѣянію, извлекъ изъ храма предметы закрытаго культа и приказалъ носить ихъ по улицамъ вмѣстѣ съ статуей Пріапа. По господствующимъ представленіямъ времени, перешедшимъ и въ христіанскую дисциплину, обнаруженіе тайнъ мистерическихъ культовъ предъ непосвященными считалось ужаснымъ преступленіемъ и нечестіемъ. Естественно, это вызвало взрывъ ненависти язычниковъ. „Воспламененные однимъ чувствомъ, всѣ они, по сдѣланному условію, устремились на христіанъ и начали совершать убійства всякаго рода. Тѣмъ же, съ своей стороны, платили христіане—одно зло увеличивалось другимъ“. Затѣмъ, подъ предводительствомъ философа Олимпія, язычники заняли великолѣпный храмъ Сераписа и оттуда дѣлали вылазки про-

¹⁾ Церк. Ист. кн. VI, 2 ср. Созоменъ кн. VIII, 2.

²⁾ Кириллъ Александрійскій Творенія въ рус. пер. ч. I. стр. 304.

тивъ христіанъ. Захватывая неосторожныхъ въ плѣнь, защитники старыхъ боговъ принуждали ихъ приносить жертвы идоламъ, а тѣхъ, которые отказывались, подвергали пыткамъ и распинали на крестѣ. Такъ „погибло нѣсколько язычниковъ и очень много христіанъ, а раненыхъ съ обѣихъ сторонъ было безъ числа“. Чтобы положить предѣлъ кровопролитію, имп. Θεодосій приказалъ разрушить всѣ языческіе храмы въ Александріи. Θεοφιλή охотно исполнилъ это приказаніе ¹⁾.

Тѣ же воинственные приемы патріархъ употреблялъ и противъ христіанъ, имѣвшихъ несчастье возбудить противъ себя его гнѣвъ. Преслѣдуя пресвитера Исидора и такъ называемыхъ „длинныхъ братьевъ“, онъ самолично явился съ вооруженною толпою въ Нитрію, возбудилъ противъ нихъ монаховъ и изгналъ своихъ противниковъ изъ скитовъ ²⁾. Примѣръ такого нехристіанскаго отношенія къ иномыслящимъ со стороны самихъ пастырей дѣйствовалъ заразительно на паству. При преемникѣ Θεοφιλά, дважды возгоралась вооруженная борьба между христіанами и евреями и звѣрскимъ образомъ была убита толпою, руководимой чтецомъ Петромъ, всѣми уважаемая философесса Ипатія ³⁾.

Въ противоположность св. Іоанну Златоусту, Θεοφιλή любилъ пышность и полагалъ славу церкви въ великолѣпныхъ зданіяхъ. Палладій говоритъ, что Θεοφιλή точно древніе фараоны былъ одержимъ маніей возводить ненужныя для церкви постройки (*λιθομανία τις αὐτὸν φαραώσιος ἔχει εἰς οἰκοδομίματα*) ⁴⁾. Св. Исидоръ Пелусіотъ называетъ Θεοφιλά „неистовымъ любителемъ камней и поклонникомъ золота“ и тоже сравниваетъ его съ фараономъ, „который строилъ города, притѣснялъ трудящихся, лишалъ платы строителей и иудоннѣ упражняется въ томъ же“ ⁵⁾. Чтобы достать денегъ для этихъ построекъ, Θεοφιλή не стѣснялся въ выборѣ средствъ. Прежде всего онъ не хотѣлъ считаться съ тѣмъ взглядомъ на церковныя имущества, который въ доконстантиновскій періодъ былъ господствующимъ и котораго строго держался св. Іоаннъ Златоустъ. Употребить деньги на украшеніе и по-

1) Сократъ. Церк. Ист. V, 16 Созоменъ. Церк. Ист. VII, 15.

2) Сократъ. Ibid. VI, 7.

3) Сократъ. Ibid. кн. VII, 13—15.

4) Palladius. Op. cit. p. 21.

5) Исидоръ Пелусіотъ. Творенія въ рус. пер. Т. I стр. 103—104.

строеніе храма для него было уже дѣломъ болѣе благочестивымъ, чѣмъ израсходовать ихъ на дѣла христіанской любви. Вотъ причины вражды Теофила къ пресвитеру Исидору, по свидѣтельству Созомена. „Исидоръ, которому, какъ попечителю бѣдныхъ, приносимо было множество денегъ, не хотѣлъ давать ихъ Теофилу, издержавшемуся тогда на построеніе церквей и старавшемуся взять ихъ, но говорилъ ему, что лучше надлежащими врачеваніями возстановлять тѣла больныхъ, которыя съ большею справедливостію почитаются храмами Божиими и для которыхъ собственно жертвуются деньги, чѣмъ строить стѣны“ 1). Затѣмъ Теофилъ въ унизительныхъ для своего сана формахъ выпрашивалъ деньги у богатыхъ женщинъ. По свидѣтельству Палладія, онъ простирался предъ діаконойссой Олимпіадой и цѣловалъ ея колѣни, лишь бы выпросить подачку 2). Бросать деньги безъ разбора направо и налево не есть христіанское отношеніе къ собственности. Это скорѣе свойственно избалованному богачу, не зарабатывающему денегъ тяжелымъ трудомъ, не знающему имъ цѣны и увѣренному въ своей обезпеченности на завтра. Пріятно чувствовать эту свободу въ отношеніи къ тому, что такъ связываетъ другихъ. Не такъ смотрѣлъ на отношеніе къ собственности Златоустъ. Поэтому онъ не могъ одобрить слабости Олимпіады. Христіанинъ, сказалъ онъ ей, однажды, „долженъ быть домостроителемъ, между тѣмъ, какъ ты, расточая богатство богатымъ, не болѣе дѣлаешь, какъ вливаешь свою собственность въ море. Развѣ не знаешь, что имущество ты добровольно посвятила просящимъ ради Бога, и что, бывъ поставлена распорядительницею въ деньгахъ, какъ бы уже вышедшихъ изъ твоей власти, ты подлежишь отчету“ 3).

Характерны для Теофила и средства борьбы съ противниками. Св. Василій Великій, обвиняемый въ аполлинаріанствѣ, въ одномъ изъ своихъ писемъ сказалъ: „у насъ всегда такъ: кто намъ непріятенъ, тотъ и не православенъ“. Такимъ образомъ, пріемъ, столь распространенный въ наши дни,—сводить счеты съ противникомъ на почвѣ догматическихъ

1) Созоменъ. Церк. Ист. VIII, 12 Ср. Palladius. Op. cit. p. 21.

2) Palladius Op. cit. p. 60.

3) Созоменъ. Церк. Ист. VIII, 9.

укоризнѣ имѣеть за собою почтенную давность. Теофиль былъ особенно искусенъ въ этомъ отношеніи. Онъ не былъ первоначально врагомъ Оригена. При возникновеніи среди монаховъ антропоморфитскаго движенія онъ доказывалъ и съ церковной касседры, и въ пасхальномъ посланіи, что Богу, какъ существу безтѣлесному, не слѣдуетъ приписывать человѣческой образъ. Онъ порицалъ также св. Епифанія за его сочувствіе антропоморфизму. Послѣ того, какъ исчезли поводы скрывать симпатіи къ Оригену, Теофиль снова сталъ читать его открыто, заявляя, что „Оригеновы сочиненія подобны лугу, усыянному цвѣтами всякаго рода, что хорошее онъ срываетъ, а тернистое оставляетъ, какъ колючее“ ¹⁾. Но было время, когда Теофиль отрекался отъ Оригена и преслѣдовалъ своихъ противниковъ подѣ предлогомъ недопустимости оригенизма. Когда монахи узнали, что епископъ не раздѣляетъ ихъ антропоморфитскихъ представлений, то, оставивъ свои монастыри, пришли въ Александрію съ цѣлью убить Теофила. Находясь въ столь затруднительномъ положеніи, послѣдній однако не растерялся. Онъ вышелъ къ антропоморфитамъ съ ласковой улыбкой и привѣтствовалъ ихъ словами: „созерцаю васъ, я какъ будто созерцаю лице Бога“. Но монахи потребовали болѣе опредѣленныхъ заявленій. „Если правда, что у Бога такое же лице, какое и у насъ, отвѣтили они, то предай проклятію сочиненія Оригена... а если не сдѣлаешь этого, то прими отъ насъ жребій людей нечестивыхъ и богопротивныхъ“. „Исполню ваше желаніе, сказалъ на это Теофиль; не гнѣвайтесь на меня: я самъ не люблю Оригеновыхъ сочиненій и порицаю тѣхъ, которые принимаютъ ихъ“. Послѣ этого, преслѣдуя по личнымъ мотивамъ „длинныхъ братьевъ“, онъ добился ихъ изгнанія изъ Нитріи путемъ обвиненія ихъ въ оригенизмѣ, а затѣмъ возбудилъ простосердечную ревность Епифанія Кипрскаго къ тому, чтобы тотъ обвинилъ въ оригенизмѣ и св. Іоанна Златоуста ²⁾.

Таковы были враги великаго святителя. Они представляютъ собою какъ бы темный фонъ, на которомъ тѣмъ яснѣе выдѣляется исключительная личность всеиенскаго учителя.

1) Сократъ. II. II. VI. 17.

2) См. объ этомъ подробно Сократъ, Цер. Ист. VI, 7. ⁹ — 10, 12 — 14. Созоменъ, Цер. Ист. VIII, 11—15.

Св. Іоаннъ Златоустъ былъ совѣстію церкви своего времени, и въ лицѣ его враговъ противъ него, какъ противъ голоса совѣсти, возстали всѣ страсти. Онѣ восторжествовали. Насиліе заставило смолкнуть его негодующее слово. Но совѣсть нельзя заглушить надолго. Въ 407 году Златоустъ скончался въ изгнаніи. Въ 417 г. его имя было внесено въ диптихи Атикомъ, патріархомъ константинопольскимъ, а въ 419 г. Кирилломъ Александрійскимъ. Въ 428 году память святителя въ первый разъ была почтена празднованіемъ при дворѣ, а десять лѣтъ спустя мощи его были перенесены въ Константинополь и погребены въ церкви Апостоловъ. Сынъ императрицы Евдокіи, Θεодосій II, склонился предъ ними, прося святителя о прощеніи своихъ родителей. Въ своихъ сочиненіяхъ вселенскій учитель по прежнему призываетъ вѣрующихъ къ жизни по Евангелію, къ милосердію и нравственной свободѣ. Да будетъ же для насъ священнымъ его завѣтъ: сила и слава церкви создается не желѣзнымъ мечемъ императора, не пышностью культа, не привилегіями духовенства, не проклятiями иномыслящихъ, а единственно осуществленіемъ евангельской любви во взаимныхъ отношеніяхъ вѣрующихъ.

И. Поповъ.
